

ИСКУШЕНИЕ АГАСФЕРА

ВЕЧНЫЙ ЖИД

ЭДУАРД ПРОСЕЦКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдуард Павлович Просецкий

Искушение Агасфера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51672878

SelfPub; 2020

Аннотация

Согласно легенде, Агасфер во время страдальческого пути Иисуса Христа на Голгофу под бременем креста отказал Ему в кратком отдыхе и издевательски бросил в Него камень. За это ему самому отказано в упокоении смертью, и он был обречен на вечные скитания, дожидаясь второго пришествия Христа, который один мог снять с него зарок. Агасферу предстоит стать свидетелем смены эпох, проследить эволюцию отношения человечества к религии, Богу и самому себе и попытаться найти свой путь к покою. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие – из газет	6
Пролог	18
Часть первая	23
Глава первая	23
Глава вторая	29
Глава третья	34
Глава четвертая	38
Глава пятая	43
Глава шестая	49
Глава седьмая	54
Глава восьмая	58
Глава девятая	61
Глава десятая	64
Глава одиннадцатая	69
Глава двенадцатая	71
Глава тринадцатая	74
Глава четырнадцатая	77
Глава пятнадцатая	80
Часть вторая	86
Глава первая, в которой странствующий монах-доминиканец Фергаас подвергается смертельному испытанию	86
Глава вторая, в которой вновь появляется	95

Одноглазый и искушает Фергааса опасными вопросами	
Глава третья, в которой Фергаас предается научным трудам и размышлениям, а потом появляется молодой монашек	100
Глава четвертая, в которой монашек оказывается женщиной, а Фергаас подозревает в ней суккуба[6]	104
Глава пятая, в которой Эстер склоняет монаха к соитию, а под утро он обнаруживает на ней «печать дьявола»	109
Глава шестая, в которой утомленный ночными подвигами монах впадает в сон, а пробудившись, обнаруживает, что Эстер исчезла	115
Глава седьмая, в которой Фергаас достигает франконского Бурга, где произносит первую проповедь	119
Глава восьмая, в которой Фергаас оказывается за пиршественным столом у епископа, а потом его искушает дьявол	126
Конец ознакомительного фрагмента.	131

*Людмиле Коноховой – жене, другу, – с любовью
и благодарностью*

*Так, не из праха выходит горе, и не из
земли вырастает беда; но человек рождается на
страдание, как искры, чтобы устремляться вверх.
Книга Иова 5:6-7*

*Автор выражает глубокую признательность члену Сою-
за писателей Москвы поэту Боровкову Валерию Степанови-
чу, любезно предоставившему для художественного оформ-
ления книги графические произведения Елены Владимировны
Шпицовой из его коллекции.*

*Особая благодарность – редакции издательства «Печат-
ные традиции» (Гельконович А. Д., Деминский В. Ю., Молот-
ков А. Б.), взявшей на себя труд по редактированию рукопи-
си и изготовлению оригинал-макета будущей книги.*

Предисловие – из газет

Сенсация или случай сумасшествия?

Продолжается рассекречивание архивов Управления госбезопасности при НКВД СССР. Как сообщил нашему корреспонденту бывший генерал КГБ, защитник российского Белого дома в 1991 году, Герой России А. Н. Кулагин, обнаружено личное дело некоего жителя Москвы Миркина Агафона Львовича, скромного советского служащего, арестованного в период сталинских репрессий 1937 года по подозрению в причастности к право-троцкистской подпольной организации. Несмотря на жестокие допросы, Миркин категорически отрицал свою антисоветскую деятельность. Когда же пытки стали невыносимы, заключенный признался, что он никто иной, как библейский Агасфер, известный также под именем Вечный Жид. Как явствует из документов, таинственным узником 107-й лубянской камеры заинтересовался лично Сталин и имел с ним продолжительную беседу.

«Секретные материалы» 18 января 1994 года

Из зала суда: Дело «черных археологов»

Мещанский суд Москвы на днях вынес приговор по так называемому «делу черных археологов» – группе лиц из четырех человек, в течение ряда лет занимавшихся несанкционированными раскопками на территории Российской Федерации.

Руководил преступной группировкой Павел Алатский, кандидат исторических наук, автор философского романа «Тень Будды», опубликованного при советской власти издательством «Красная гвардия».

Свою противозаконную деятельность Алатский оправдывал полным отсутствием средств к существованию при наличии жены-инвалида и двух малолетних детей: НИИ, в котором он работал, был закрыт в самом начале ельцинского «дикого капитализма» в связи с отсутствием бюджетных ассигнований, а свою последнюю повесть-хронику о русском мыслителе Чаадаеве он не смог опубликовать из-за засилья на книжном рынке низкопробной массовой литературы.

Эти объяснения Алатский давал во время судебного следствия в промежутках странного возбуждения, похожего на истерический бред: археолог требовал немедленно выпустить его на свободу для встречи с Агасфером, живые мощи которого он якобы обнаружил замурованными в разрушенном Свято-Николо-Тихоновом монастыре подмосковно-

го Кулябина.

– Он ожил! Ожил прямо на моих глазах! – кричал подслушиваемый. – Мы с ним не договорили!

Он закатывал глаза и начинал биться головой о железные прутья клетки, установленной в зале заседаний.

Судебно-психиатрическая экспертиза признала Алатского вменяемым.

Суд вынес Павлу Алатскому обвинение по ст. 97 УК РСФСР «Присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного государственного или общественного имущества» и приговорил к лишению свободы на 3 года (учитывая деяние, причинившее крупный ущерб государству) с отбыванием срока наказания в колонии общего режима.

Его сообщники получили по году лишения свободы.

«Столичный комсомолец» 16 марта 1994 года

Найден сокамерник Вечного Жида!

(Итоги журналистского расследования)

Петру Степановичу Плешакову исполнилось 86 лет, но взгляд его то и дело вспыхивает молодыми искорками, да и память почти не подводит. Мы беседуем с ним в его двухкомнатной «хрущевке» в районе Филей. Сухощавый, подтя-

нутый, он сидит в распахнутой рубаше (жарким нынче выдался июль!), и на груди синее татуировка крейсера «Аврора», напоминая о матросской молодости...

– Миркин? – переспрашивает он, прихлебывая чай из чашки с изображением президента Ельцина. – Как же, помню, помню... Сперва его посадили в к нам в пресс-хату¹... Высокий такой был, продолговатый, горбоносый, вроде как еврей, а может и нет... Среди нас он тогда «пассажиrom» был, первый раз залетел в «кутузку», не знал, что к чему... Ну, я его подучивал... Чтобы с блатными не связывался, от «опущенных» ничего не брал, ну, и как на допросах держаться... Ты, говорю, булгахтер, так прибивайся к своим, «индивидуалам-интеллигентам», живи в камере по их «поняткам»: «Мы здесь никого не трогаем и в ваши дела не лезем, так и вы к нам не суйтесь...» Петр Степанович добродушно усмеяется, вспоминая молодость:

– А я бедовый был, к тому времени тюремные университеты прошел, взят был на скоке² Верке путевое колечко подарить. Хороша была, лярва... Прямо как в книжке написано: «В ее тонкой девичьей фигуре... в одностороннем порядке... наблюдалась пышная грудь...»

– Какой он был, этот Миркин? – деликатно возвращаю я

¹ Специальная камера в следственном изоляторе, обитатели которой «работают» на руководство тюрьмы, выбивая из новичков нужные показания (прим. автора)

² Кража со взломом (уг. жарг.)

разговор в нужное русло.

– Да какой... – Петр Степанович задумывается, вспоминая далекое прошлое. – Большею частью смиренный, терпеливый... Чуть что – извиняется... Не ел вообще, свою пайку братве отдавал. Мы его Христосиком прозвали, такое у него было погоняло...

– Вам доводилось с ним беседовать? – интересуюсь я, угощаясь крепким чаем с малиновым вареньем и свежей домашней выпечкой, которую специально для гостя-журналиста готовила дочь Плешакова Лидия Петровна.

– Понятное дело, – отвечает Петр Степанович. – Я его про подпольщиков-троцкистов расспрашивал, вместе с которыми он антисоветчиной занимался, а он все больше про божественное: любите, мол, друг друга, Бог есть любовь... Умственный был мужчина, ничего не скажешь. А потом его увели, и с концами... – Плешаков удрученно разводит руками. – Скорей всего, кокнули его в лубянском подвале, не дожидая суда над правыми уклонистами...

От Плешаковых я вышел с двойственным чувством: открыв очередную завесу тайны над Миркиным-Агасфером, я получил больше вопросов, чем ответов.

И. Гулько, спец. корреспондент газеты «Секретные материалы», 12 июля 1994 года

К вопросу об Агасфере

Согласно легенде, Агасфер во время страдальческого пути Иисуса Христа на Голгофу под бременем креста отказал Ему в кратком отдыхе и издевательски бросил в Него камень. За это ему самому отказано в упокоении смертью, и он был обречен на вечные скитания, дожидаясь второго пришествия Христа, который один мог снять с него зарок.

В легенде этой, по-видимому, отразилось и негативное отношение части христиан к евреям – убийцам Христа и осквернителям «завета с Богом». Евреям, на века лишившимся родины и вынужденным странствовать по свету.

Агасфер – это враг Христа, но в то же время свидетель о Христе, грешник, пораженный таинственным проклятием.

Наш религиозный философ С.С. Аверинцев вполне справедливо отмечает, что структурным принципом легенды об Агасфере является двойной парадокс, когда темное и светлое дважды меняются местами: бессмертие, желанная цель человеческих усилий, в данном случае оборачивается проклятием, а проклятие – милостью (шансом искупления).

Легенда о Вечном Жиде становится достоянием литературы с XIII века. По рассказу английского монаха Роджера Уэндоверского, вошедшему в «Большую хронику» (ок. 1250 года) Матвея Парижского, архиепископ, прибывший в Англию из Великой Армении, уверял, что лично знаком с жи-

вым современником и оскорбителем Христа по имени Картафил. Якобы он покаялся, крестился, принял имя Иосиф и ведет жизнь аскета и молчальника, отвечая только на благочестивые вопросы паломников; при встрече с Христом ему было 30 лет, а теперь он каждое столетие возвращается в этот возраст.

Появление Агасфера – высокого оборванного человека с длинными волосами – в 1603 году засвидетельствовали горожане Любека, в 1642 году он приходил в Лейпциг, его видели в Шампани, Бове и других европейских городах.

Однако, к сенсационному заявлению А. Н. Кулагина я бы отнесся с осторожностью, учитывая, что фигура Агасфера носит сакральный характер, являясь персонифицированным воплощением идеи греха и его искупления страданием – при посредстве нравственных установлений Господа Нашего Иисуса Христа.

Священник, автор нескольких книг по истории раннего христианства, доктор исторических наук, диакон Михаил (Мызников).

«Секретные материалы», 28 августа 1994 года

Мнение писателя

К началу XX столетия практически во всех христианских странах церковь, многие годы до этого определяющая общественную, интеллектуальную и духовную жизнь общества,

утратила свои позиции. Вместе с этим, как ни прискорбно, на обочине европейской культуры оказалось и само учение Христа, ранее способствовавшее ее формированию и развитию (чего стоят, к примеру, хотя бы живописные полотна и скульптурные изображения великих мастеров прошлого, созданные на библейские сюжеты). Отчасти именно этим, на мой взгляд, можно объяснить общеевропейский духовный кризис первой половины XX века. Две мировые войны, большевистская революция в России, деспотические диктатуры Сталина и Гитлера едва ли состоялись бы, будь в сознании европейцев активное христианское начало. Едва ли антигуманные, языческие по сути своей, доктрины большевиков и нацистов имели бы успех у христиански настроенных народов; и не случайно тоталитарные режимы всегда стремились искоренить христианскую церковь или, по крайней мере, подчинить ее своему влиянию.

Лично мне близка теория выдающегося философа и мистика Тейяра де Шардена. Этот французский священник-иезуит считал, что уже сам факт веры в Христа подразумевает строго определенное направление развития человечества: с течением веков люди подготавливают себя – через религиозное духовное развитие – к моменту всеобщего слияния народов во Христе. Тейяр считал, что присутствие Бога ощущается в каждой частице сотворенного мира, и что вся эволюция – это постепенное приближение к Нему.

Таких же взглядов придерживался выдающийся священ-

ник из Подмоскoвьѧ Александр Мень. Он полагал, что в жизни каждого из нас рано или поздно происходит встреча с Богом, которая является источником всякого религиозного чувства.

Мень считал, что суть грехопадения заключается в искаженности человеческого мировосприятия, в стремлении человека «стать как Бог», «овладеть силами божества, поставить их себе на службу». По Менью, глубоко антагонистично христианскому учению о человеке и подавление личности коллективом. «Коллектив, подчиненный воле царя-мага, – писал он, – заставляет личность раствориться среди племенного целого, ибо властителям легче управлять массами, нежели личностями».

Все это, по моему убеждению, – исторические предпосылки появления Агасфера в нашей стране на пике сталинских репрессий и жесточайшего террора. Появление его – напоминание о необходимости искупления греха; богоотступники-большевики при общении с Агасфером могли бы понять: их злодеяния будут прощены лишь в том случае, если за ними последует покаяние; покаяние, возвысившее за многие века Агасфера настолько, что он уже в своем многолетнем устремлении приблизился к Богу.

Немаловажно и другое. Сознательно насаждая в стране язычество, чтобы поклонение Богу заменить поклонением Вождю, Сталин не исключал использования мистических сил для закрепления своего культа.

Агасфер как явление оккультное вполне закономерно мог бы заинтересовать Вождя народов; не исключено, что им была предпринята попытка использовать Вечного Жида как своего подручного. Ведь сподвигнул же он бывшего однокашника, а впоследствии известного мудреца-мистика Гурджиева на полную опасностей экспедицию в Тибет, чтобы добыть магический Трон Чингисхана, дающий неограниченную власть над людьми.

Известен и интерес Сталина к Шамбале, этому тайному центру светлых сил, затерянному где-то в Гималаях. Легенды повествуют, что в Шамбале живут мудрецы, хранящие эзотерическое знание, которое дает человеку полную власть над миром. Это место, где осуществляется своеобразная стыковка Земли с Космосом, где «земной шар соприкасается с высшим сознанием». Это духовный центр планеты, надежно укрытый от вторжения непосвященных. На поиски загадочной Шамбалы в сталинские времена был послан одиозный чекист Яков Блюмкин (см. мой роман «Под личиной тибетского монаха», изд-во «Истра»» 1993), туда же направлялись широко известные ныне экспедиции Рерихов, имеющие целью – увы! – не только духовное просвещение человечества (А. С. – там же)...

Сейчас уже не секрет, что Сталин не оставлял без внимания явление Вольфа Мессинга, гипнотизера, экстрасенса и мистика; в последнюю их встречу на Ближней сталинской даче в Кунцеве, куда в январе 1953 года Мессинг при-

был встревоженный и возмущенный сфабрикованным «делом врачей-вредителей», он предсказал Вождю народов его близкую смерть... (См. мой роман «Вождь и Пророк», изд-во «Истра», 1994)

Аркадий Светличный, автор цикла романов «Окультурные тайны», член Союза писателей Москвы. «Секретные материалы», 28 газета 1994 года

Читайте новый роман культового писателя Павла Алатского!

Российский бестселлер! Книга, которую вы давно ждали! Издательство «Рондо» выпускает в свет роман Павла Алатского «Искушение Агасфера».

Странствия по свету Вечного Жида, полные таинственных открытий, опасных приключений и истового служения Христу. Коварные интриги средневековой инквизиции и расправы с еретиками. Поиски бесценных сокровищ ордена Тамплиеров. Философские изыскания французских безбожников-просветителей, беспримерное распутство сановных служителей церкви и обнищание народа, приведшие в конце концов к Великой французской революции и свержению короля Людовика XVI. Наконец, массовые сталинские репрессии в СССР, куда забрасывает Агасфера его судьба вечного скитальца...

Все это – в остросюжетном, захватывающем романе Павла Алатского, написанном в мордовских лагерях.

Он видел Агасфера! Он беседовал с Агасфером! Вечный

Жид рассказал ему почти все!

Газета «Книжная полка», август 1999 года

Пролог

Утром пасхальной пятницы 14 нисана, когда солнце отбрасывало длинные тени и воздух замер, Агасфер был среди тех, кто по пыльной каменистой дороге сопровождал Иисуса Назарянина до Голгофы.

При виде избитого, изнуренного смертника, который едва переставлял ноги под тяжестью перекладин креста, что по обычаю положено было осужденному нести на своих плечах к месту казни, – многие в толпе присмирели, а на лицах некоторых угадывалось даже сочувствие. А совсем недавно, при разбирательстве в претории у прокуратора Иудеи Понтия Пилата эти люди кровожадно требовали казни новоявленного Мессии, готовые взять ответственность за Его смерть на себя: «Кровь Его на нас и детях наших! – иступленно кричали они, видя колебания Пилата. – Распни Его!»

На груди обреченного качалась табличка, написанная по приказу Пилата на еврейском, греческом и латинском языках: «Иисус Назарянин, Царь иудейский». Над нею потешались наиболее озлобленные, и Агасфер был заодно с ними: выдающий себя за Сына Божия Назарянин со своими чудесами и проповедями пребывал в горних высях, но при этом разрушил его, Агасфера, жизнь, жизнь простого и смертного человека.

У Эфраимских ворот к черному шествию присоедини-

лись женщины Иерусалима, среди которых были Мать Иисуса со своею сестрой, Марфа и Мария, брата которых, Лазаря, Иисус воскресил из могилы, а также Мария Магдалина, после развратной жизни ставшая преданной овцой этого Пастыря.

От их горестных рыданий смертник согнулся еще больше; крупный пот катился по Его изъязвленному терновым венцом лбу, заливая глаза.

Когда вдали показалась похожая на череп Голгофа (чему и обязана была своим названием), – силы, казалось, совсем покинули Назарянина, и он зашатался под своей непомерной ношей.

С воплями сострадания, в едином порыве, к нему устремились женщины, но центурион с обветренным лицом в давних боевых шрамах повелительно отстранил их, однако, приказав при этом иудею из Киренской общины Симону взять на себя груз Иисуса.

– Пусть сам несет! – не удержался Агасфер. – Это нарушение обычая! – И бросил в Назарянина поднятый на обочине камень. – Если он Мессия, если в три дня намеревался восстановить храм Иерусалимский, – то что ему тяжесть креста?!

И тут Иисус обернулся, обратив к Агасферу свой кроткий небесный взгляд:

– Агасфер, – проговорил он. – Ты идешь дорогой Моей смерти, и ликуешь, и гордишься собой, хотя не понял смысла

слов Моих. Но когда пойдешь дорогой бессмертия своего – восплачешь и возрыдаешь, и захочешь понять его.

Необоримый страх завладел вдруг Агасфером, члены его заледенели, а язык прилип к небу.

Влекомый толпой, он очутился на вершине Голгофы, бесчувственно, будто во сне наблюдая, как солдаты деловито соединяли положенные на землю перекладины крестов, как содрали с Иисуса цельнотканый хитон, оставив лишь набедренную повязку, и только когда прибитый гвоздями, распятый Назарянин вознесен был на фоне мутного неба, осознание происходящего вернулось к Агасферу, и он выкрикнул:

– Если ты Мессия, так спаси себя! Сойди с креста!

– Отче, прости им, не ведают бо, что творят... – тихо произнес распятый и закрыл глаза, одолеваемый страшными мучениями.

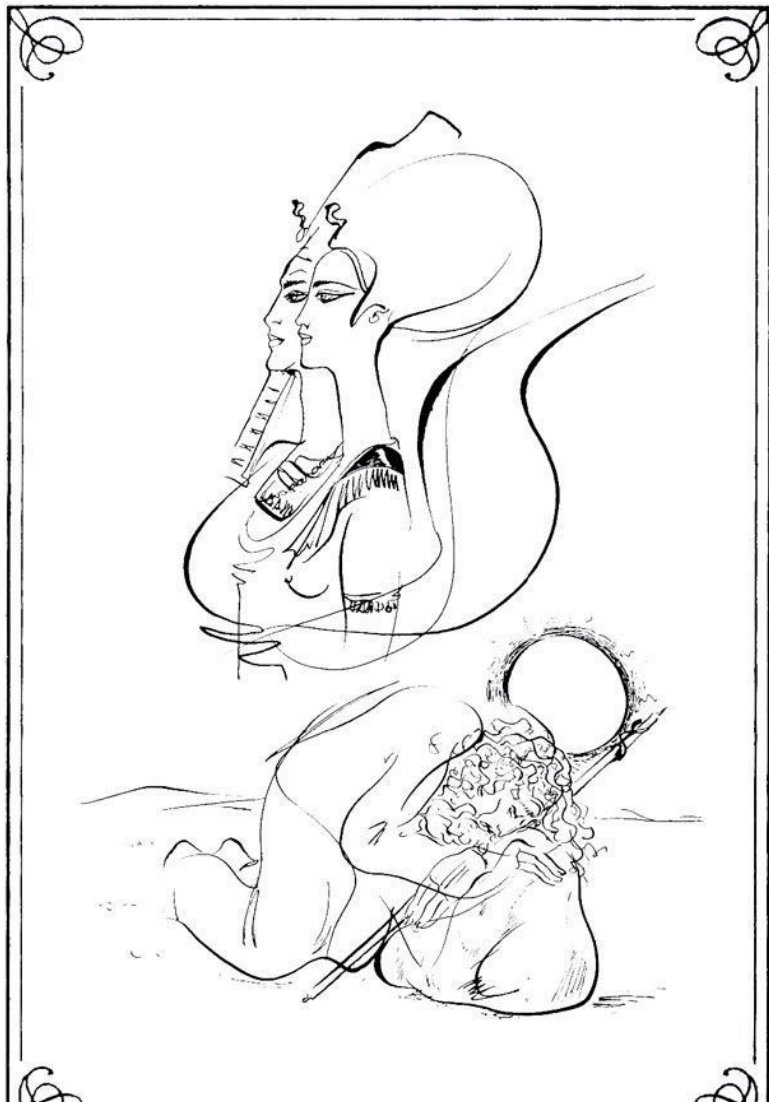
По прошествии времени казнимые вместе с Ним два разбойника все еще стонали на своих крестах, когда Иисус бесильно уронил голову на грудь, прошептав:

– Отче, в руки Твои передаю дух Мой...

Чтобы убедиться, что Он мертв, один из солдат подошел и воткнул копьё в грудь Его; Иисус не пошевелился.

И тут Агасфер, убедившись, что все кончено, прокричал в пергаментное, искаженное посмертной мукой, лицо Назарянина:

– Выходит, ты не Мессия! Грош цена твоему пророчеству обо мне!

Часть первая

Восхождение на Голгофу

Глава первая

Время проявлялось в смене сезонов года, дня и ночи, но в памяти оставалось лишь событиями, всколыхнувшими душу.

Ценность жизни придавало осознание неизбежной смерти в конце пути, а мгновенья счастья существовали в прошлом, когда становились воспоминаниями.

Вождеделение же пребывало как бы вне времени, независимо от сезона и склонения суток, искушало Агасфера постоянно, зародившись, быть может, в тот момент, когда он коснулся губами напряженного материнского сосца и ощутил ноздрями терпкий мускусный запах женщины.

Благочестивый саддукей, он был обучен грамоте, закончив школу в иерусалимском Предместье, и старался ревностно соблюдать установления веры, предначертанные Моисеем.

Тем не менее, жил Агасфер с тайным грузом своей греховности, ибо в Талмуде было сказано: «Почему идолопоклонники полны вожделений? Потому что они не утверждены на

горе Синай. Ибо когда змей приблизился к Еве, он наполнил ее вожделением. Когда же израильтяне стояли у горы Синай, вожделение оставило их. Но вожделение не оставило идолопоклонников, не стоявших у горы Синай».

По ночам, возвращаясь от доступных либо продажных женщин, он при всякой опасности быть узванным, затаивался в узких улочках Иерусалима и закрывал лицо головной накидкой, более всего опасаясь разоблачения перед единоверцами в причастности к идолопоклонничеству.

– Агасфер, – укорял его рассудительный сапожник Иосиф, у которого он снимал в Нижнем городе каморку. – Ты напоминаешь пресыщенного, который, надкусив яблоко, бросает его и тут же тянется за следующим.

– Господь каждому дал свое предназначение, – шутливо попытался возразить Агасфер. – Твое предназначение – шило и дратва, а мое – женские прелести.

– Но от моего предназначения появляется обувь, а от твоего лишь пот и стоны ненасытных и бесплодных гетер. Даже племенной бык полезнее тебя, потому что от него происходит потомство.

Сознавая глубокую правоту этих слов, вечером перед седедом, когда по предписанию Талмуда прекращаются всякие работы, а молоток перестал стучать на половине Иосифа, Агасфер истово молился, стоя коленями на земляном полу в убогом своем пристанище и каясь в грехах, а на другой день в храме Иерусалимском принес в жертву белого агнца.

На площади перед храмом, в праздной толпе, его несколько раз кокетливо задевали плечом уличные жрицы любви, но эти нечистые прикосновения вызывали только брезгливость.

После ритуальной пасхальной трапезы в обществе братьев по вере, Агасфер вышел на берег Кедрона, купающийся в ароматах и красках щедрой иудейской весны, и его посетило светлое чувство очищения и то предощущение чего-то хорошего, что порою бывает в детстве при утреннем пробуждении.

Тут был у него давно облюбованный серый камень, отполированный древними водами, на котором Агасфер часто сживал, слушая шум потока и размышляя о высокой мудрости пророков.

Спугнув греющуюся на солнце ящерицу, Агасфер занял ее место на теплом валуне и, смежив веки, подставил солнцу лицо, размягченно впитывая дневной свет, говор водных струй, жизнерадостные голоса птиц и деловитое жужжание насекомых.

В эту гармонию природных звуков негромко влился звон финикийской цитры, пробужденный умелой и бережной рукой.

Агасфер открыл глаза и понял, что мелодия доносится из сада бывшего иерусалимского ростовщика Аарона, роскошный каменный дом которого, возвышающийся над береговым уступом Кедрона, всю зиму простоял заколоченным, а месяц назад был приобретен пожилым купцом из Алексан-

дрии Езекией за двадцать тысяч дариков, о чем сразу же разнесся слух по городу.

Аарон был заметной фигурой в Иерусалиме, на него работали почти все менялы; он ладил с римскими правителями и таможенниками, согласовывая с ними курс денег и щедро одаривая тех и других. В доме его часто собиралась местная знать и высокопоставленные римские чиновники, устраивались шумные пиры, где к диковинным яствам подавались дорогие кипрские и хиосские вина, выступали музыканты и поэты, а также самые известные танцовщицы.

Все было так, пока юная и горячо любимая жена Аарона Сарра, прекрасная, как цветок лотоса, не убежала с римским центурионом, покрыв несмываемым позором одного из самых уважаемых людей в городе.

Раненный в самое сердце Аарон разорвал на себе одежды, посыпал голову пеплом и полгода не выходил из дома, так велико было горе его и унижение его.

Он не смог более оставаться в Иерусалиме и переехал в Дамаск, где торговля процветала и где нашли применение его капиталы.

Вскоре звуки цитры сменились бойкими девичьими голосами и смехом. Усадьба стояла на уклоне, и Агасферу было видно, как вокруг беседки, увитой плетистыми розами, и среди миндальных деревьев в пышной пене цветения бегают, играя в пятнашки со служанкой, новая обитательница дома, исполненная гибкой грацией молодости.

Легкая голубая накидка стремительно мелькала меж деревьев, а хрустальный голосок ее обладательницы необычайно взволновал Агасфера.

Видимо, развевающаяся ткань мешала ей, цепляясь за ветви, и девушка в конце концов повесила ее на изгородь, возведенную над обрывом Кедрона.

Сильный порыв ветра неожиданно сорвал невесомое покрывало, и оно, трепеща в кружении, пролетело над струящимся потоком и опустилось у самых ног Агасфера, словно бы поудобнее укладываясь шевелением краев.

Из сада донеслись весело-встревоженные крики: обе девушки, в нетерпении пританцовывая у калитки в ограде, зазывно махали Агасферу руками и мило гримасничали.

Он в радостном рвении подхватил с земли накидку, мигом поразившись исходящим от нее ароматам, и метнулся к воде.

На береговой обрыв он карабкался, цепляясь за кусты и выступающие узловатые корни деревьев, а когда передавал через решетку калитки покрывало хозяйке, – сумел различить лишь ее сияющие изумрудные глаза и необыкновенной белизны кожу; красота девушки так ослепила и оглушила его, что Агасфер толком не рассмотрел ее черт и не расслышал имени, которым назвалась незнакомка, поблагодарив за услугу.

Поощрительно коснувшись маленькой ладошкой его плеча, облепленного мокрой одеждой, она со смехом убежала в

глубь сада вместе с молоденькой служанкой-иберийкой.

Оставшись один, Агасфер ощутил, как пронзило его неведомое ранее сияние, сделавшее тело счастливо-невесомым, и ему показалось, что если сейчас оттолкнется от обрыва – с легкостью парящей птицы перелетит на другой берег Кедрона.

Глава вторая

– Пойми, эта девушка не для тебя, хотя у тебя высокое происхождение и ты гордишься своим греческим именем, – говорил Иосиф, когда вечером они пили вино в каморке Агасфера. – Такой бриллиант требует дорогой оправы, а что есть у тебя? Тебе скоро тридцать, но ни крыши над головой, ни потомства, ни богатства. Для домовладельца ты слишком неприхотлив, для отца семейства слишком весел, а для богача имеешь слишком углубленный и непрактичный ум, который стремится заглянуть за грань дозволенного. Что же касается твоего высокого происхождения, то оно лишь воспаляет твою гордыню. Мой отец был сапожником, и мой дед был сапожником, они передали мне ремесло да еще научили читать и писать. Я живу спокойно, как птица, которая имеет гнездо на той ветке, которая ей отведена. Лучше бы ты не знал о своем происхождении.

– Разве помнить о своих предках – это дурно? – обиделся Агасфер. – В Александрии мой дед Иаков поставлял ткани и драгоценности самой Клеопатре, и тому есть письменные свидетельства. Но завистники разграбили и сожгли его дом, они не могли смириться с тем, что еврей приближен ко двору императрицы... Мой отец Захария бежал после этого в Иерусалим с женой Ханной и жалкими крохами от богатства деда, умершего от нервного потрясения...

– Я не подвергаю сомнению твое высокое происхождение, Агасфер, – примирительно произнес Иосиф. – Но не надо всякий раз рассказывать о нем, когда мы пьем вино.

И в самом деле, печальная история некогда знатного рода, которому, видно, суждено было окончательно заглохнуть на Агасфере, была ему хорошо известна: в Иерусалиме Захария занял пустующую лачугу в Нижнем городе, и на скудные средства отца открыл крохотную пекарню. А к тому времени, когда его беременная жена должна была родить Агасфера, достигла своего апогея слава тогдашнего правителя Иудеи Ирода, который угождал римлянам, воздвигая статуи императора Августа, и иудеям, обещая перестроить Иерусалимский храм по новому грандиозному плану. Лстецы уже объявили его предсказанным пророками Мессией, но тут случилось явление Вифлеемской звезды, благовествующей о рождении подлинного Мессии. Явившиеся к Ироду волхвы простосердечно попросили его помочь в поисках младенца. Тот отправил их в Вифлеем, и вскоре по приказу правителя началась страшная резня новорожденных... Ханна тайно разрешилась от бремени в подвале пекарни, но вскоре после родов умерла. Безутешный Захария, похоронив ее, скрывал сына в подземелье и вскармливал козьим молоком. Выйдя, наконец, на волю, Агасфер трудно привыкал к свету божьего дня, а позже стал постигать и свет знаний у равви Авраама. Он преуспевал в освоении грамоты, но оказался для Захарии плохим подмастерьем, так и не сумевшим понять пекарное

дело.

Захария, рано лишившись жены, пристрастился к любви доступных женщин и однажды, возвращаясь ночью от одной из подружек, получил смертельный удар ножом в бок неподалеку от Силоамского источника, вместе с жизнью лишившись и фамильного перстня с александритом, передаваемого в их роду по наследству.

Не успела просесть земля на могиле отца, как явились из Заиорданья хозяева лачуги, и бедный Агасфер с глиняной мисочкой для подаяний оказался среди нищих на площади перед храмом Иерусалимским... Там на смышленного мальчишку однажды обратил внимание уважаемый иерусалимский саддукей, член Синедриона Исаак, и отдал его в детский приют при общине...

– Если ты не подвергаешь сомнению мое происхождение, – иронично заметил Агасфер, – не подвергай сомнению и мой ум.

– Ум нужен человеку в ограниченных пределах, – заметил Иосиф. – Иначе он вредит всякому делу.

– Но Господь создал нас по образу и подобию своему, – весело возразил Агасфер, – значит, и разум наш – часть Бога, данная для осмысления Бога и сотворенного им мира.

– Еще в писаниях Тота сказано: «Единый Бог пребывает непоколебимо в своем обособлении. Он – свой собственный отец, свой собственный сын и единственный отец Бога. Он – само добро, начало всего и источник понятий первейших

созданий. Этот единый Бог объясняет себя сам через себя, ибо достаточен самому себе. Ничто иное, даже никакая отвлеченная идея не может с ним соединиться», – ответил сапожник.

Агасфер усмешливо дрогнул тонкими губами:

– Ты хочешь сказать, Бога нельзя познать через разум? А как же его можно познать?

– Только через веру, – убежденно отозвался сапожник.

– Но для того, чтобы поверить, надо понять! – разгорячился Агасфер. – Понять, во что ты веришь! – Он достал со стеной полочки свиток папируса и прочитал: «Не ешьте никакой мерзости. Вот скот, который вам можно есть: волы, овцы, козы, олень и серна, и буйвол, и лань, и зубр, и орикс, и камелопард. Всякий скот, у которого раздвоены копыта и на обоих копытах глубокий разрез и который скот жует жвачку, тот ешьте; только сих не ешьте из жующих жвачку и имеющих раздвоенные копыта с глубоким разрезом: верблюда, зайца и тушканчика, потому что, хотя они жуют жвачку, но копыта у них не раздвоены; нечисты они для вас»... Что же получается? – понизил голос Агасфер. – Я должен поверить, что заяц и тушканчик жуют жвачку и мееют копыта?

Иосиф испуганно замахал руками:

– Остановись, Агасфер, не богохульствуй, сатана тебя искушает! Это же текст Второзакония!

Допив вино, они погрузились в молчание; в темных, блестящих, как маслины, глазах Агасфера таилась бездна.

Иосиф беспокойно комкал бороду в кулаке, думая о чем-то своем.

– Иосиф, – наконец нарушил тишину Агасфер. – Сегодня... там, на берегу Кедрона... я впервые в жизни почувствовал, что такое любовь.

– Если это так, – бодро отозвался сапожник, – ты должен разбогатеть и жениться на этой девушке!

Глава третья

Иосиф считался лучшим сапожником в Нижнем городе, Мардохей был его давним и постоянным клиентом, и по тому, как меняла год от года заказывал все лучшие и лучшие сорта кож для обуви, начав когда-то с грубой свинячины, — можно было судить о его преуспевании в делах.

Вертлявый рыжий человечек, в ухоженной бороде которого уже пряталась проседь, он по пути к Иерусалимскому храму укачал Агасфера до отупения своим напористым, ни на миг не прекращающимся разговором. Подобно болтливой женщине, которая полагает, что само по себе непрерывное произнесение слов есть показатель ума и осведомленности, Мардохей, не обращая никакого внимания на полное отсутствие поддержки со стороны слушателя, разглагольствовал об опасном усыхании источников в Иудее, что может привести к падежу овец, о своем новом роскошном доме в Верхнем городе, об удачном браке младшей дочери, выданной за сына богатого скотовладельца из Вифании, о выросшей болезненной шишке на пальце левой ноги, отчего стал прихрамывать, о том, что сирийки бреют лобки, что с отъездом все сильного Аарона в Дамаск его место в коммерции занял давний конкурент Иеремия, приблизивший его, Мардохея, себе, что Иоанн, который крестил в Иордане, подтвердил посланным к нему из Иерусалима фарисеям, что на землю Из-

раилеву уже явился Божий Сын...

Велик и благолепен был храм Иерусалимский, царствующий на горе Мориа; стройные и могучие колоннады по бокам от арочного входа в него неизменно будили в Агасфере мысли о вечном, а сияющий золотой гребень на вершине его зримо подтверждал присутствие Бога...

Какая-то строгая и возвышенная радость жизни вошла в Агасфера, едва ступили они на храмовую площадь, и он невольно расправил грудь. Мардохей же, который придерживался традиционного фарисейского благочестия, напротив, ссутулился, подобно своим собратьям по вере, снующим взад-вперед, согбенностью этой показывая, какую тяжесть душеспасения от грехов приходится им нести; они боялись поднять глаза из-за соблазна женщиной, отчего нередко наткались на прохожих и были в народе прозваны «хицай», что означает «не-разбей-лба».

Когда вошли в торговую часть храма, где кипел гомон человеческих голосов, взмывивали волы, бляели овцы, в трубах солнечного света, прорывавшегося сквозь прорези окон, плавала взбитая суетой торжища пыль и голубиные перья, – Мардохей вновь преобразился: распрямившись, он двинулся между рядами торговцев развинченно самоуверенной походкой, небрежно приветствуя знакомых и имея вид хозяина жизни.

Когда-то торговля велась у стен Иерусалимского храма, но из-за непогоды и солнечного зноя люди все чаще укрывались

сперва у колоннад, а потом и вовсе переместились в святилище. Благо, храм был обширен, так что базарная толчея в одной его части не мешала торжественному богослужению, проходившему в другой. Точно так же фарисейское одеяние Мардохея с красными каймами и кожаная коробочка на лбу, где хранились свитки заповедей Писания, не мешали ему заниматься обменом денег.

Менялы, с которыми по-свойски здоровался Мардохей, рядками сидели на земле и держали на коленях маленькие столики с углублением в углу, куда ссыпались отсчитанные монеты. Возле них бугрились мешки с золотыми и серебряными деньгами.

– Если будешь своевольничать с курсом обмена, тебя вышвырнут в два счета, – негромко наставлял Мардохей, занимая свое рабочее место. – Его назначает хозяин, он же будет выплачивать тебе долю от выручки: чем больше обменяешь, тем больше получишь. Твоя задача – привлекать людей и быстро их обслуживать. Есть еще и наши маленькие хитрости, им обучу тебя позже, – лукаво подмигнул он.

Наблюдая за ловкой, веселой работой менялы в течение дня, Агасфер сделал открытие: сорная болтовня Мардохея, которая совсем недавно так раздражала, в работе оказалась незаменимой: вид добродушного говоруна, пересыпающего речь прибаутками, привлекала посетителей гораздо больше, чем деловая сосредоточенность Мардохеевых соседей.

– Взялся обучать тебя, саддукей, только из уважения к

моему другу Иосифу, – признался меняла в конце рабочего дня. – Если освоишь дело, через год станешь богаче меня, – шутливо заключил он, хлопнув Агасфера по спине.

Глава четвертая

Влюбленный подобен одержавшему победу воину, который в пылу сражения не заметил полученных ран; они начинают болеть и кровоточить чуть позже.

Полюбив с первого взгляда внучку прибывшего из Александрии богача, переполненный этим неведомым ранее чувством, охватившим ум его, сердце и плоть, Агасфер лишь после того как решил во что бы то ни стало добиться девушки, задался леденящим вопросом: а есть ли у него хоть малейший шанс на взаимность?

Характер еврея таков, что когда дела его идут в гору, – он становится самонадеянным, порою до наглости, он шутит и часто смеется, а неудачи других только возвышают его в собственных глазах. Когда же фортуна отворачивается – он делается печален и всем жалуется на судьбу, свое незавидное «еврейское счастье».

Проработав в храме с Мардохеем несколько дней, Агасфер как-то вечером чужим, отстраненным взглядом окинул свое убогое жилище с подмазанным кизяком земляным полом, колченогим столиком с письменным прибором, подслеповатым оконцем, в котором трепыхал под сухим ветром чахлый кустик тамариска и, рухнув на ветхую циновку, составляющую его ложе, залился горькими слезами. «Господи, – стенал он, – чем прогневил Тебя род наш, что Ты на-

слал на него столько несчастий? Почему такую тяжкую судьбу уготовал Ты бедному Агасферу? Я подобен голодающему, который видит роскошно накрытый триклиний и не может к нему приблизиться...»

– Твое истинное богатство не в деньгах, – утешал его позже сердобольный Иосиф. – Оно в молодости твоей, сильной и статной фигуре, уме и красноречии, в твоих смоляных кудрях, что вьются до плеч, в огненном взгляде... Лишь расчетливые гетеры, те, что равно делят ложе как с мужчинами, так и с женщинами, заглядывают в кошелек тех, кто близок с ними... Всякая девушка из приличной семьи жаждет любви, ведь для этого она создана... Созревший плод непременно упадет, надо только чтобы рядом был именно ты. А потому перестань рыдать и явись к ней с видом преуспевающего. Если матрона склонна бывает приголубить и утешить неудачника, юная еврейка предпочитает мужчину-победителя. Ты должен почаще являться на глаза избранницы, и тогда ей непременно что-то в тебе понравится.

Едва бездельным пятничным вечером опустился он на свой камень возле шумящего Кедрона, у знакомой калитки над обрывом обозначилась беспокойная фигурка смуглой служанки-иберийки и тут же исчезла. Девушка вскоре вернулась с белым платочком в руке, призывно помахав которым, отпустила; сухой горячий ветер, дующий из пустыни Иудейской, подхватил его и, скомкав, бросил в воду посередине потока.

Как только мокрый, тяжело дышащий Агасфер с драгоценной ношей поднялся на обрыв, из глубины сада явилась его любимая в легкой льняной тунике, расшитой золотом.

– Агасфер, – с кокетливой укоризной проговорила она, словно они были хорошо знакомы. – Что привело тебя к нам?

Она взяла платочек из его рук, ловко выкрутила и повесила сушиться.

– Я... проходил мимо, госпожа... – растерялся Агасфер, у которого от соприкосновения с ее проворными пальчиками восстала плоть, отчего он покраснел и согнулся.

Теперь он увидел у крыльев ее точеного носика россыпь мелких веснушек, что бывает у женщин с очень белой кожей, а сильные медные волосы прихотливыми локонами ниспадали на округлые плечи; стройную мраморную шею охватывало жемчужное ожерелье.

– Отчего же ты не проходил мимо целую неделю? – весело сощурила она свои изумрудные глаза.

– У меня были дела, госпожа...

– В прошлый раз, когда ты смотрел на меня, твой взгляд излучал любовь. Меня все любят. Я уже записала тебя в свои поклонники, а ты исчез! – нахмурилась она.

– Я все время думал о тебе, госпожа...

– Да не называй меня госпожой! – топнула она маленькой ножкой в украшенной бисером сандалиии, и на щиколотке ее зазвенел серебряный браслет с подвесками. – У тебя греческое имя и, судя по твоей осанке и благородству черт, – вы-

сокое происхождение.

– Так и есть, – скромно отозвался Агасфер и принялся скомканно и не совсем внятно пересказывать историю своего рода, понимая, что вопреки наставлениям Иосифа робеет перед красавицей и совсем не выглядит победителем.

Девушка слушала его рассеянно, то и дело бросая тревожные взгляды в сторону дома; лишь однажды, при упоминании об Александрии, томно прикрыла глаза, вздохнув: «Ах, Александрия... А у вас тут такая скука...»

Лишь закончив рассказ, Агасфер спохватился и, вспомнив свой предыдущий мужской опыт (женщины любят ушами), заговорил горячо и убежденно:

– Губы твои, как лепестки роз, госпожа. Бедра твои как колонны храма Иерусалимского, греческий мрамор не сравнится с белизной твоей шеи... Твои уши как розовые раковины морские, отливающие перламутром...

– Твое красноречие говорит о твоей образованности и тонком вкусе, – с улыбкой поощрила красавица. – Называй меня просто по имени.

– Я... не знаю твоего имени, госпожа, – признался Агасфер.

– Как?! – гневно вскинула она бровки. – В прошлый раз я назвалась, а ты даже не запомнил?! Убирайся прочь!

Незряче скатываясь с обрыва, он готов был разбиться насмерть, как вдруг до него долетел ее хрустальный голосок:

– Меня зовут Эсфирь!

Вечером его, безутешного, как всегда успокаивал добрый
многомудрый Иосиф:

– Ах, Агасфер, Агасфер, – глухо говорил он, тиская в кулаке бороду. – Ты перетоптал всех доступных женщин Иерусалима, но так и не научился понимать женскую душу.

– Она совсем не похожа на смиренных дочерей Иудеи, – заметил Агасфер, как бы оправдываясь.

– Александрия... – пояснил Иосиф. – Там совсем другие нравы...

– Лучше бы мне умереть, – отчаивался Агасфер.

– Напротив, тебе надо жить и радоваться! – возразил сапожник. – Если женщина пожаловалась на скуку – это верный намек, чтобы ты за ней поухаживал. Если она обиделась, что не запомнил ее имени – значит, ты ей не безразличен...

– Но у нее много поклонников, – перебил Агасфер.

– А когда много – значит, никого в сердце, – засмеялся Иосиф.

Глава пятая

– Я видел все это, – говорил ткач Самуил, возлегая с бокалом вина за триклинием в доме Мардохея и степенно оглаживая смоляную бороду. – Это было в Бетании, на берегу Иордана, где крестил Иоанн. Я шел на торжище в храме Иерусалимском и собственными глазами видел, как Иоанн узнал идущего к нему Иисуса и сказал: «Вот жертвенный Агнец, который берет на себя грех мира! Это о Нем я говорил: «Идущий за мной стоит выше меня, потому что Он существовал еще задолго до меня»».

– Этот сумасшедший Иоанн – главный враг Закона, – недовольно заметил Мардохей. И, подставив свой наполненный бокал напросвет солнечному лучу, со вкусом произнес: – Какая глубина цвета, истинный рубин... А какой букет... Знакомый грек доставляет мне его прямо с Кипра.

Вино было жидким, подкисшим, и Агасфер не сомневался, что его изготовил из местной лозы не слишком искусный винодел.

Незадолго до этого, прежде чем пригласить гостя к столу, Мардохей с гордостью водил Агасфера по своему новому жилищу (его дальний родственник Самуил отдыхал в одной из комнат после паломничества к Иисусу), покрикивая на прислугу и безудержно расхваливая это просторное, но безалаберно спланированное строение, захламленное домаш-

ним скарбом: казалось, новоселы наспех побросали в нем вещи, так и не найдя всякому предмету своего места.

На кухне Агасфера удивило, что тучная жена Мардохея Ревекка, завязав на спине рукава темного одеяния, сама вымешивает тесто, в то время, как две молоденькие служанки скрытно бездельничают, вяло перетирая посуду. («Никому не доверяет, – шепнул Мардохей, подмигнув. – Считает, что только она все делает правильно».)

– И я видел собственными глазами, – продолжал Самуил, – как Дух Святой спустился на Иисуса с небес в виде голубя, а Иоанн возвестил: «Я свидетельствую, что Он – Божий Сын!»

– Этого сумасшедшего Иоанна надо судить, – сказал Мардохей, потянувшись за жареным кекликом. – А ваш так называемый Божий Сын окружает себя мытарями и падшими женщинами, будто и сам он «ам-хаарец», простолюдин. С таким постыдно молиться и делить трапезу. «Невежда не боится греха, ам-хаарец не может быть праведным».

– Он знается с отверженными, говоря: «Не здоровым нужен врач, а больным», – деликатно пояснил Самуил. – Он пришел призвать не праведных, но грешных.

– Выходит, благочестивый фарисей достоин меньшего внимания, чем какой-нибудь грешный мытарь?! – возмутился Мардохей и, украдкой понюхав кеклика, тихонько отложил в сторону.

– Всякий, возносящий себя, смирен будет, а смиряющий

себя вознесен будет, – ответил Самуил словами Назарянина.

– Мне говорили, что Он превратно толкует священные заповеди Закона, – вступил Агасфер. – Столпы веры должны быть незыблемы и неприкосновенны в своем первоначальном виде. Что останется от веры, если их всякий раз подновлять и приспособлять к текущему моменту жизни?

Это был камешек, невольно брошенный саддукеем в огород фарисеев, с которыми существовало изначальное, длительное противостояние в борьбе за толкование Моисеева Закона и духовную власть над народом израилевым.

– Но если в эти столпы упираться лбом подобно барану, может случиться то, что произошло в праздник Кущей при царе-первосвященнике Александре-Янкае³ тельно отозвался Мардохей. – Ешь кеклика, Агасфер. Это самый жирный кеклик с полей Заиорданья.

За время совместного пребывания в меняльных рядах храма Иерусалимского ученик и учитель успели подружиться, потому сейчас предпочли не углубляться в религиозные разногласия, которые и нынче нередко заканчивались дракой противоборствующих сторон.

Следуя совету хозяина, Агасфер разломил кеклика, который оказался явно с тухлинкой, и догадался, что он сохранен

³ Имеется в виду народное возмущение в 95 году до Р. Х., когда царь-первосвященник саддукей Александр-Янкай, отвергая не указанный в Моисеевом Законе обряд, поданную ему для возлияния воду в серебряной чаше вместо того, чтобы возлить на алтарь, вылил на землю, что привело к кровопролитию и последовавшей затем шестилетней междоусобной войне между саддукеями и фарисеями.

экономной хозяйкой от какого-то предыдущего застолья; но поскольку, не имея семейного очага, постоянно жил впроголодь – пренебрег этим запахом, обильно посыпав дичь перцем и солью.

Не доверяя служанкам, Ревекка сама обслуживала гостей, ловкими полными руками раскладывая по мискам угощение. При этом овечий сыр был нарезан так тонко, что ломался у них под пальцами, куски рыбы у всех оказывались от хвоста, а овощи и сушеные фрукты каждому отсчитывались поровну, чтобы никто не съел лишнего.

Агасфер понял, что источником Мардохеева богатства была скупость.

– Он признает заповеди Торы, – вернулся Самуил к прерванной беседе. – И главнейшими считает две из них: «Возлюби Господа Бога всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумом твоим, и всею крепостью твоею», а также «Возлюби ближнего твоего, как самого себя».

– Если Он признает Десять Заповедей Синая, подлинное Моисеево наследие, охраненное пророками, не уподобляется ли Он ломящемуся в открытую дверь? – с тонкой усмешкой спросил Агасфер.

– Он подобен лекарю, который лечит не болезнь, а причину ее, – ответил Самуил. – Если Закон запрещает убийства, – Иисус призывает искоренять из сердца ненависть. Если Закон против супружеской неверности, – Он призывает избавиться от порочных чувств.

– А что Он думает о субботе? – поинтересовался Мардохей.

– Вот Его слова, – отозвался Самуил: – «Разве кто из вас, у кого сын или вол упал в колодец, не вытащит его в день субботний?»

– Но это же нарушение Закона! – не выдержал Мардохей.

– Видишь эту руку? – спросил Самуил, протягивая над столом ладонь. – Целый год она висела, как плеть. Нужно было в срок сдать цельнотканый хитон купцу из Предместья, я засиделся за станком до утра, и лишь когда отнялась рука, – вспомнил, что наступила суббота... И что вы думаете? Ровно через год, в синагоге, в субботний день Иисус вернул мне руку, а фарисеи и иродиане вынесли решение погубить Его!

– Он не должен был делать этого в субботу, – заметил подвыпивший Мардохей. – Для этого есть шесть других дней.

– Он подрывает основы Закона, – согласился Агасфер.

– Я хожу с Ним, ибо понял: Иисус хочет сохранить Закон, очистив от накипи устаревшего, – возразил ткач. – Вот слова Его: «Никто не ставит заплату из новой ткани на ветхой одежде. Пришитый кусок ее разорвет, и дыра будет хуже. И не наливают вино молодое в мехи ветхие, иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но наливают вино молодое в мехи новые, и сохраняется и то и другое».

– Это и есть чистейшая противозаконность! – воскликнул Мардохей, расплескивая из бокала вино. – А ты идешь за Ним лишь потому, Самуил, что он исцелил тебя.

– Я иду за Ним, – тихо возразил ткач. – Потому что Он хочет, чтобы по Закону жили не только иудеи, но и все люди на земле.

В конце застолья, когда все заметно охмелели, ткач бесшумно удалился в отведенную ему комнату.

Провожая Агасфера, Мардохей обнимал его за плечи, покачиваясь на нестойких ногах, и воздев палец, вещал:

– Пойми, далеко не каждый удостоивается чести быть приглашенным в мой роскошный дом. Ты оправдал мои надежды, потому так щедро принят. Скажу больше: я нашел тебе хозяина.

Глава шестая

Вифания располагалась в отрогах гор Иудейских, и путник, вышедший из Иерусалима ранним утром, достигал ее еще до того, как солнце вставало в зенит.

Покинув дом Мардохея в зябкие предрассветные сумерки, Агасфер с наставником миновали крепость Антония, через Овечьи ворота вышли к Кедрону, пересекли его долину, укрытую текучим туманом, и с пробуждением птиц уже поднимались на пологий склон Елеонской горы.

Вифания, щедро освещенная солнечными лучами зрелого лета, предстала перед ними уступчато рассыпанными по холмам коробочками строений с плоскими крышами, утопающими в фруктовых садах, пальмах и виноградниках.

Двухэтажный каменный дом Мардохеева свата Закхея был окружен оградой, вдоль которой росли акации, олеандры и миртовые кустарники в белых цветах.

По двору расхаживали куры, подавая осторожные, вкрадчивые голоса, раскидистое гранатовое дерево ярко краснело спелыми плодами, а из чаши журчащего фонтана пил ослик, и полный человек в длинном полосатом хитоне и верхней накидке, голова которого была покрыта белым платком с шерстяной перевязью, сидя на корточках почесывал ему брюхо, что-то ласково приговаривая. Это и был Закхей.

Мардохея встретил он радостными восклицаниями, и

Агасферу понравилась и эта искренность хозяина дома, и его простое одеяние галилеян, и явная любовь к животным.

Вскоре они сидели уже в тени террасы на втором этаже, где был накрыт стол; порывистый ветер из пустыни Иудейской легонько овеивал их, и в сухом воздухе особенно отчетливым был то и дело долетающий острый запах стойла.

– Хорошо, сват, что застал меня, – улыбался Закхей круглым розовощеким лицом, вправленным в короткую бородку. – Я как раз собирался поехать на пастбище к Анафофу, тавровать скот.

– Когда путником движут благие намерения, ему сопутствует удача, – елеинным голосом отозвался Мардохей, явно заискивая перед богатым родственником: от многословной заносчивости его не осталось и следа, а произнося фразу, он смиренно опускал глаза.

– Все в руках Небес, кроме страха перед Небесами, – отозвался Закхей цитатой из Талмуда, припадая пунцовыми губами к бокалу с вином.

У него был облик бесшабашного жизнелюба, но в глубине маленьких припухших глаз Агасферу порой чудился опасный отсвет холодного расчета.

– Рави Акиба говорит: «Все предписано заранее, хотя при этом и дается свобода выбора, – поддержал Мардохей, показывая свою ученость. – Милость Божия судит мир, но решение выносится в соответствии с тем, какие дела преобладают».

– Надеюсь, ты пришел делать для меня доброе дело, сват, – осторожно перешел к главному Закхей, бросив на Агасфера краткий прицельный взгляд.

– Истинно так, – отозвался Мардохей, смакуя вино. – Я привел к тебе Агасфера, о котором говорил раньше. Он умен, образован и честен, так что сумеет приумножить твои накопления.

– Скот подвержен болезням, и никогда не знаешь, в какую пору свалится на тебя несчастье его падежа, – задумчиво проговорил Закхей, переходя на простое арамейское наречие. – К тому же нынешняя засуха почти выпила наши колодцы...

– Нельзя складывать все яйца в одну корзину, – поддержал Мардохей, незаметно толкнув Агасфера ногой.

– Приумножаться могут только живые деньги, находящиеся в движении, – понятливо вступил Агасфер. – Мертвые деньги можно лишь потерять.

– И как же ты собираешься приумножить мои деньги? – сузил глаза до щелочек Закхей.

– Сперва мы пустим слух, что серебро изымается из обращения, – хитро усмехнулся Мардохей. – Будто оно переплавляется в слитки и отправляется по указу Тиберия в его казну.

– После этого подговорим купцов, чтобы отказались продавать товары за серебро, – добавил Агасфер, раскрывая придуманный Мардохеем план.

– И когда серебряные монеты окончательно обесценятся, в храм явится Агасфер с золотом и объявит, что его хозяину предстоят большие выплаты в серебре, поэтому он скупает серебряные монеты за золото по курсу двадцать пять к одному! – заключил Мардохей, потирая руки. – Ты хорошо зарабатываешь, сват... Ну и... от щедрот своих... по договору выплатишь долю Агасферу за его усердие... А мне... а мне ничего не надо... лишь бы сват был доволен...

Удовлетворенный таким замыслом хозяин уговорил гостей остаться на ночь, и вечером устроил в их честь настоящий пир, где к многочисленным яствам был подан сочный молодой барашек, зажаренный на вертеле.

Застолье обслуживали три молоденькие служанки, и одна – смуглая крутобедрая самаритянка с высокой грудью – была особенно хороша, и чем больше пил Агасфер вина, тем привлекательнее становилась; Закхей же не упускал случая ущипнуть девушку, если та оказывалась рядом.

Захмелевший Агасфер плохо помнил, как очутился в отведенной ему комнате, а пришел в себя на низком ложе от упругих прикосновений горячего женского тела.

– Хозяин послал, чтобы я ублажила тебя, Агасфер, – прошептала прекрасная самаритянка, целуя его.

Он поспешно отстранился, ибо тело его теперь было мертво для случайной плотской любви.

– Уходи, женщина, – проговорил он. – Мне не нужны твои ласки.

– Спасибо, господин, – обрадовалась искусительница, поднимаясь и проворно натягивая одежду.

Когда она выскользнула из комнаты с гортанным порочным смешком, Агасфер встал и подошел к окну, в котором синело ясное, безоблачное иудейское небо.

– Эсфирь, звезда моя, – произнес он. – Скоро, скоро я разбогатею и женюсь на тебе...

Глава седьмая

Хотя Агасфер порою грешил чрезмерными умствованиями, пытаясь заглянуть «за спину Бога», и не всегда умел укротить свою пылкую плоть, среди собратьев в саддукейской общине, где выполнял почетную обязанность писца, он имел репутацию человека надежного и добропорядочного. Тем сильнее поначалу было удивление единоверцев, когда они увидели его в торговой части храма Иерусалимского, сидящим со столиком менялы на коленях.

Занятие это считалось не совсем чистым: каждый иудей знал, что в тот момент, когда он прикасается к деньгам, за спиной его, у левого плеча, незримо возникает сатана со своими коварными искушениями.

Однако постепенно все к новоявленному дельцу привыкли, как привыкли прежние легкомысленные подружки Агасфера к тому, что он больше не уделяет им внимания.

Шельма Мардохей хотя и прикинулся перед сватом бессеребренником, был кровно заинтересован в предстоящей афере, ибо намеревался урвать свой кусок от положенного Агасферу вознаграждения («Не могу же я показать родственнику, что зарабатываю на нем», – пояснял он свою позицию).

До осуществления плана оставалось несколько дней, уже многие купцы работали на аферу Мардохея, и храмовое тор-

жище гудело тревожными слухами, как пчелиный рой.

Вечерами, сдав выручку, Агасфер сидел на берегу Кедрона, дожидаясь, когда в густых сумерках на калитке заветной усадьбы будет вывешено белое головное покрывало Эсфири, означающее, что дед ее отошел ко сну. Неведомое ранее сладостное томление было сутью этого ожидания и нередко, чтобы продлить его, влюбленный являлся к своему камню до заката солнца. Порою он чувствовал себя богачом, который не спешит открыть крышку сундука с драгоценностями: душою девушка уже принадлежала ему, но овладеть телом ее Агасфер не мог без Божественного Присутствия, того самого, что когда-то, как толкуют учителя, вошло в дом Исаака с Ревеккой, когда он ввел ее в шатер Сарры, матери своей. Агасфер знал, что Небесная Мать пребывает с мужчиной только тогда, когда дом подготовлен и мужчина и женщина сочетаются браком. Тогда нисходит на них благословение Небесной Матери.

Агасфер, как и прочие, не вкусил плода древа жизни, не получил хайе-ойлом, жизни вечной, но через потомство мог продолжить жизнь своего рода в веках, следуя закону Моисея: «Вот жизнь и смерть, благословение и проклятие я кладу перед вами. Изберите же жизнь с тем, чтобы жить вам и потомству вашему, любя Бога, повинуюсь Ему и прилепляясь к Нему, потому что от Него наша жизнь и продолжение ее».

Теперь он истово замаливал свои прежние грехи, но не чувствовал себя до конца счастливым даже во время ночных

свиданий с возлюбленной в увитой розами беседке, когда бережно держал Эсфирь за руки, наслаждаясь тихой музыкой ее голоса и ароматами ее тела.

Чуткая к перемене настроений избранника девушка тревожно заглядывала в его глаза: «Что беспокоит тебя, любимый? Может, я уже надоела тебе?» – «Эсфирь, – горячо возражал он. – Каждая частичка моего тела и душа моя пронизаны любовью к тебе. Такое я испытал лишь однажды во время молитвенных бдений в храме Иерусалимском, когда, показалось, сам Господь снизошел ко мне, и я понял, что Бог – это любовь». – «Конечно, Бог любит нас, – соглашалась она. – Потому дает нам кров и пищу, создает для нас яркие цветы и сочные плоды, голубое небо, дуновение ветра, пение птиц и дарует нам любовь друг к другу...» – «Но если любовь, – волновался он. – Если сама по себе любовь божественна, почему же во имя нее мы совершаем богопротивные поступки? Почему встречаемся тайно, воровски, обманывая твоего деда?» – «Потому что ты беден, и он прогонит тебя, если узнает о наших свиданиях», – отзывалась Эсфирь. – «Почему я меняю в храме и распространяю ложные слухи?» – «Потому что хочешь разбогатеть и жениться на мне», – отвечала она почти весело. – «Но я же... грешу! – отчаивался он. – Каюсь и вновь грешу!» – «Агасфер, милый, ты такой умный... – сочувствовала девушка, протягивая ему кулек со сладкими миндальными орешками. – Посмотри, как горят светлячки среди кустов. Они похожи на маленькие волшебные фона-

рики».

Глава восьмая

К весне 28 года, когда подкупленные Мардохеем торговцы отказались продавать товары за серебро, – состояние торгующих в храме Иерусалимском было близко к панике.

За три дня до иудейской пасхи Агасфер вошел в храм с золотом в закрытых медных сосудах, которые несли слуги Мардохея, и громко объявил, что хозяин его, Закхей из Вифании, должен произвести большие выплаты в серебре и он, Агасфер, намерен скупать его.

Вскоре к его меняльному столику выстроилась плотная, гомонящая очередь из тех, кто хотел избавиться от серебряных монет; работа закипела, и так продолжалось день и другой, и слуги Мардохея проворно уносили наличность с места сделок, чтобы люди не догадались о громадной прибыли менялы, а разгоряченный удачей, взволнованный Агасфер доряби в глазах считал выручку, то и дело утирая со лба едкий пот.

На третий день, в канун пасхи, он услышал во дворе храма рев, бляение и топот растревоженного чем-то скота, растерянные, протестующие выкрики торговцев, и до него долетел гневный, задыхающийся голос:

– Убирайтесь вон! Как вы смеете превращать дом Отца Моего в базар!

– Это Иисус Назарянин! – пронеслось по толпе. – Он свил

из веревок бич и изгоняет нас!

Выстроившаяся к Агасферу очередь тут же рассеялась, и посреди всеобщего переполоха, криков и того рваного мелькания человеческих фигур, что бывает лишь на пожаре, – он увидел бледного, разъяренного Иисуса; тесня из храма торговцев и скотину, переворачивая столики менял и выталкивая в спину блудниц, – Он был неукротим, как ураган, и все невольно поддались Его натиску. Лишь ученики Его, пораженные поступком обычно кроткого своего Учителя, – сбились в кучу, как овцы во время грозы, не зная, что делать.

Первая паническая мысль Агасфера была о деньгах, и он приказал слугам поскорее отнести сосуды с золотом и серебром к Мардохею.

И правильно сделал: едва их напряженные спины затерялись в бурлящей толпе, – он увидел над собой Иисуса с занесенным для бичевания вервием.

– Прочь, осквернители святыни! – воскликнул Назарянин.

Агасфер защитительно выставил руки перед своим столиком, который держал на коленях, и, перекрывая всеобщий гвалт, громко спросил:

– Зачем ты делаешь это?! Какое знамение можешь предъявить в доказательство того, что имеешь право изгонять нас?!

– Разрушьте этот храм! – отозвался Иисус, раздувая ноздри. – И Я в три дня восстановлю его!

– Этот храм строился сорок шесть лет, – раздался язвительный голос из небольшой группы собравшихся возле них иудеев. – А ты собираешься восстановить его в три дня?!

От этой насмешки над Учителем пришли, наконец, в себя ученики Иисуса и бросились на обидчиков.

Во время завязавшейся драки чья-то сильная и быстрая рука опрокинула меняльный столик Агасфера, рассорив монеты, потом на голову его обрушился тяжелый гулкий удар, серебряные звездочки поплыли перед глазами, и все погрузилось во тьму.

Глава девятая

Ночью Иосиф подобрал его, едва пришедшего в сознание, возле колонны храма, омыл его рану водой из источника и довел домой.

Наутро хлопотливая жена сапожника Саломея сменила на голове Агасфера повязку, и он отправился в Верхний город.

Проходя мимо площади у храма Иерусалимского, он увидел там многочисленную, громко галдящую толпу фарисеев, которые возмущенно порицали вчерашнее вторжение Назарянина в торговые ряды и Его призыв к разрушению главной святыни Израиля. Собравшиеся были единодушны в своем отношении к случившемуся, но при этом стоял такой гвалт, будто они спорили друг с другом: таков уж был национальный характер евреев, по обыкновению соединяющих упорство в доказательствах с оскорбительным тоном.

Агасфер и сам злился на Иисуса за вмешательство в его – так успешно протекавшие – торговые сделки, похвальбу насчет восстановления храма в течение трех дней и удар по голове, полученный от кого-то из почитателей Назарянина.

Но при виде этих согбенных, едва волочащих ноги, лицемеров, всем видом своим выказывающих фальшивую набожность, – в нем крутым всплеском разыграл приступ религиозной вражды, и Агасфер неожиданно для себя выкрикнул:

– Как смеете вы требовать Его смерти?! Вы не можете де-

лать этого, «поскольку вы созданы не по собственной воле, и родились не по собственной воле, и живете не по собственной воле, и умрете не по собственной воле, и не по собственной воле будете давать отчет перед Верховным Царем Царей»?! – привел он отрывок из Писания. – Не в ваших руках жизнь и смерть!

В ответ полетели выкрики, полные ненависти, а потом и камни, и Агасфер счел за благо поспешно ретироваться.

Подойдя к дому Мардохея, он долго стучался в закрытую калитку, пока не вышла наконец хмурая неопрятная служанка, неохотно впустившая гостя во двор.

– Хозяина нет дома, – проговорила она.

– Ты лжешь, женщина, – возмутился Агасфер. – Я видел его в окне.

– Хозяин не принимает, – последовал ответ.

– Меня он примет.

– Он никого не принимает.

– Пойди и скажи, что у меня к нему неотложное дело. Недовольно бормоча, она удалилась. Мардохей явился со страдальчески сморщенным лицом, низко опустив голову в своем показном фарисейском благочестии.

– Зачем ты потревожил меня в субботу, Агасфер? – спросил он немощным, скрипучим голосом. – Суббота принадлежит Богу, я провожу ее в молитвенных бдениях и покаянии.

– Я пришел, потому что вчерашний переполох в храме нарушил наши планы.

– Даже более серьезные дела откладывались в субботу, – прокрипел Мардохей. – Во время Маккавейской войны повстанцы предпочли умереть, «не бросив камня», дабы не осквернить седьмого дня.

– Мне нужно знать, сколько серебра и золота принесли тебе вчера слуги, – пояснил Агасфер. – Я должен отчитаться перед хозяином.

Мардохей глубоко вздохнул:

– У них не было с собой ни сикля. Они явились, стеная и моля о пощаде, ибо были избиты и ограблены на выходе из храма во время устроенной Назарянином суматохи.

– Я хочу поговорить с ними.

– По случаю субботы слуги отпущены по домам, – сказал Мардохей, с гримасой боли потирая поясницу. – Приходи после пасхи, Агасфер. А сейчас мне нужно молиться.

Глава десятая

Сразу же после пасхи Агасфер явился к Мардохею, но не был допущен даже во двор: его жена Ревекка с голыми по локоть мокрыми руками открыла калитку, перекрыв проход своим мощным телом, и стала громко причитать, что Господь наказал ее бедного мужа, однажды подослав к нему Агасфера, что ее бестолковый доверчивый Мардохей по доброте своей опять влип в историю и не знает, как теперь смотреть в глаза свату Закхею, что он сейчас то ли в Вифлееме, то ли в Геродиуме и неизвестно, когда вернется, а провинившиеся слуги уволены. И если он, Агасфер, мужчина, то должен сам уладить дело с Закхеем...

Во время этого надрывного монолога она тискала передник, вытирая об него руки, а под конец разразилась обильными слезами.

Они так подействовали на чувствительного Агасфера, что от дома менялы уходил он в смятении; но когда разум взял в конце концов верх, стало очевидно, что его, Агасфера, нагло и преднамеренно шельмуют, и самым убедительным доказательством этого является уклонение Мардохея от встреч и спешное увольнение слуг, которые помогали Агасферу в храме.

Поднимаясь по каменистой дороге в Вифанию и горько сетуя, что ошибся в человеке, которому так доверился, он

невольно вспоминал слова Писания: «Кто любит серебро, тот не насытится серебром; и кто любит богатство, тому нет пользы от того. И это – суета».

Слухи об изгнании Иисусом торгующих из храма разнеслись по всему Иерусалиму и, словно круги на воде, стали расходиться по земле Иудейской; а потому когда понурый Агасфер с повинной предстал перед хозяином, Закхей уже знал о случившемся.

В тот момент, когда явился меняла, скотовладелец сидел на террасе в свободном одеянии фарисея с красными каймами и с выражением детской доверчивости на лице слушал трели пестрого щегла, поющего в клетке.

Смирив свою гордыню, Агасфер пал перед хозяином на колени, проговорив:

– Господин, если я буду оправдываться, то мои же уста обвинят меня.

Закхей долго, изучающе посмотрел на него и наконец произнес:

– Слова твои исполнены ума и искренности, Агасфер. Встань с колен и садись к столу.

Вскоре по приказу хозяина та самая служанка, что однажды приходила ночью к Агасферу, принесла вино и фрукты; накрывая на стол, она скромно опускала глаза, никак не выявляя своего знакомства с гостем.

– Ах, какая ты у нас тихоня, Дебора... – усмешливо заметил Закхей и подмигнул Агасферу: – Ну как, в прошлый раз

она понравилась тебе?

Агасфер перехватил расширенный, умоляющий взгляд самаритянки и неопределенно ответил:

– Я благодарен за твою заботу обо мне, господин.

Девушка вздохнула с облегчением и поспешно удалилась, унося пустой поднос.

– Славная кобылка, – произнес Закхей, пригубливая вино.

Похоже, он пребывал в отличном благорасположении, и это сильно озадачило Агасфера, который, хмелея от выпиваемого, вновь и вновь возвращался к событию в храме.

– Этот Назарянин... – повторял он. – В одиночку одолел всех... Словно демоническая сила вселилась в Него...

– Кстати, мне тут пересказали одну его притчу, – вспомнил Закхей. – У некоего заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, другой пятьдесят. Им нечем было заплатить, и он простил обоим. Кто же из них больше возлюбит его? Как ты думаешь, Агасфер?

– Полагаю, тот, кому он больше простил.

– Верно! – рассмеялся Закхей. – Но это не про меня. Я могу простить человеку все, кроме долгов. Ибо не зря сказано в Писании: «Если я не за себя, то кто за меня?» А потому давай спустимся в подвал и подсчитаем, сколько ты мне задолжал.

Когда они сверили с наличностью записи в учетной книге, выяснилось, что недостает именно тех денег, что в тот злополучный день слуги Мардохея должны были унести с торжи-

ща. Даже за вычетом того, что заработал Агасфер по условиям договора, сумма долга оказалась так велика, что Агасфер едва не потерял сознания:

– Господин, ты губишь меня, – пролепетал он. – Моей жизни не хватит, чтобы расплатиться с тобой...

Закхей дружески похлопал его по плечу:

– Поскольку ты друг моего свата, так и быть, я смягчу условия. Мне нужен раб, чтобы пасти овец. Он стоит тридцать сребренников. Ты станешь пастушествовать у меня за еду и одежду, а я ежемесячно буду выплачивать тебе один сребренник. Когда накопишь нужную сумму – купишь мне раба и будешь свободен. Ведь не зря же сказано в Писании: «Все вещи – в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием».

От скотовладельца он уходил с ощущением человека, который должен был умереть, но отделался тяжелым ранением.

Спускаясь по каменным ступеням узкой улочки, Агасфер услышал позади торопливые шаги, и вскоре легкая женская рука тронула его за плечо:

– Господин, это я, Дебора... – раздался бархатистый голос, и он сразу узнал красавицу-служанку из дома Закхея, хотя самаритянка прикрывала лицо головной накидкой. – Спасибо, что не выдал меня... В прошлый раз я солгала хозяину, что ублажила тебя...

– Господь тебя простит, Дебора, – отозвался Агасфер.

– И еще, – зачастила она, опасно поглядывая по сторо-

нам. – Вчера у нас был Мардохей. Они с хозяином считали деньги, а после пили вино, смеялись и говорили о тебе: «Этот саддукей слишком кичится своим умом и начитанностью, пора опустить его на землю».

Глава одиннадцатая

– Агасфер, ты такой умный и такой наивный! – горячо говорила Эсфирь, порывисто пожимая руки возлюбленного. – Эти фарисеи попросту ошельмовали тебя, надо обратиться в суд!

Они сидели в беседке, окруженные таинственной тьмой осенней беззвездной ночи; внизу, под обрывом, бессонно журчал Кедрон и где-то, в стороне Царских садов, предостерегающе ухал филин.

– Нет такого суда, в котором бедняк выиграл бы у богача, – убивался Агасфер. – А всему виной этот бесноватый... Все из-за Иисуса... Жизнь моя померкла с той поры, как столкнулся с Ним... Святой Дух оставил меня, ибо он пребывает лишь в том, у кого сердце наполнено радостью...

– А разве моя не померкла, Агасфер?! – воскликнула Эсфирь, заливаясь слезами. – До сих пор я жила надеждой, и в этом была моя радость... Теперь нет никакой надежды... Но я еще больше хочу принадлежать тебе, быть твоей женой... Хочу делить с тобой ложе, гладить твои кудри и целовать грудь твою, хочу рожать детей, похожих на тебя... Хочу мыть тебе ноги, когда устанешь от долгого пути, и подавать вино, когда тебя будет мучить жажда... Но все это... лишь пустые мечты...

– Ты... откажешься от меня? – осторожно спросил он.

– Ах, Агасфер... – отозвалась она, пряча мокрое лицо у него на плече. – Ты такой умный и такой глупый. Таким я люблю тебя еще сильнее.

Глава двенадцатая

Настала зима, с ее рваными ветрами, участвовавшими дождями и холодными лимонными восходами. Агасфер пас овец Закхея вместе с глухонемым стариком Симоном в долине Кедрона, поблизости от истока его, и каждый месяц получал по сребреннику, медлительно и трудно приближая свою свободу. Спали напарники в загоне для скота, на соломе под навесом из пальмовых листьев, и в самые зябкие ночи согревали друг друга телами.

У Симона Агасфер учился не только искусству пастушества, но и неброской мудрости существования: улыбочивый и благодушный напарник вполне доволен был сегодняшним днем, который всякий раз дарил ему краски и запахи созданного Господом мира, непритязательный кров и простую пищу, состоящую из овечьего сыра, козьего молока и пресных лепешек.

Со временем Агасферу открылось, что счастлив бывает лишь тот, кто не имеет несбыточных желаний и не задается проклятым вопросом: «Для чего?»

Сам же он обречен был на страдания, ибо разум его всегда рвался за пределы повседневного земного существования, а любовь к Эсфири как раз и являлась несбыточным желанием.

С возлюбленной он встречался в ее саду по субботам, ко-

гда бывал свободен, и всякий раз у него начинало болеть сердце, когда замечал, как похудела Эсфирь за последнее время, как поблек румянец ее прежде налитых щечек и все чаще по ним скатываются слезы...

В такие мгновенья он начинал ненавидеть Иисуса, а после, бессонными ночами, когда в загоне хрустко перетапывались овцы, а рядом мирно посапывал Симон – вынашивал мрачные планы мести.

Эсфирь же решила все по-другому.

В один из дождливых декабрьских вечеров она встретила его – возбужденная, с живым блеском прекрасных своих глаз, проворно достала из-под столика беседки алавастровый сосуд с нардовым маслом и принялась весело умащивать им любимого, приговаривая: «Ты весь пропах овцами!» Потом выставила заранее припасенное вино, холодное мясо и сухие фрукты и, дождавшись, когда Агасфер насытится, сообщила:

– Я все придумала, возлюбленный мой! Если в несчастье нашем виноват Иисус – пусть Он же и поможет! Он ведь не только проповедник, но и великий чудотворец! Мне рассказывали, что во время пира в Кане галилейской, куда были приглашены Мать Его и ученики, кончилось вино, и тогда Иисус приказал слугам наполнить водой шесть больших каменных сосудов для обрядовых омовений и превратил ее в вино! В Галилее Он исцелил сына царского чиновника, даже не видя его! На берегу Тивериадского озера Он накормил пятью лепешками пять тысяч человек, оживил руку парализо-

ванного ткача Самуила, который случайно нарушил субботу, а возле Силоамского источника вернул зрение слепому, намазав глаза его брением! Неужели Он не поможет нам?

– А что если... эта наша беда – наказание за грехи наши? – усомнился Агасфер.

– Как раз грешникам Он и помогает! – пылко возразила девушка и, понизив голос, добавила: – Я не сказала тебе главного: ко мне сватается Иона, сын самого богатого купца Александрии. Так что поторопись, любимый.

Глава тринадцатая

Процессия паломников вышла из ворот Стефана в северной части Иерусалима и двинулась в сторону Иерихона. Агасфер, который пас овец на противоположном склоне долины Кедрона, видел, как она, повторяя извивы каменистой дороги, змейкой спускается вниз, оставляя за собой редкое завихрение пыли, и вскоре различил облаченную в светлый хитон высокую фигуру Того, за Кем следовали все остальные. Иисус шел широким уверенным шагом, опираясь на длинный посох и, казалось, преодолевал пространство с завораживающей легкостью: никакой поспешности не было в Его движениях, в то время как сопровождающие частили торопливыми ногами, а некоторые даже, желая приблизиться к Назарянину, обегали толпу по сторонам ее.

Сердце Агасфера забилося встревоженным птенцом: последнее время он молил Бога о свидании с чудотворцем, ибо – права была Эсфирь! – только Он способен был спасти их любовь. Но Агасфер не мог надолго оставить овец, чтобы пойти за Ним, Иисус же непредсказуемо возникал то в одной, то в другой части Иерусалима, проповедуя, исцеляя страждущих и отражая нападки фарисеев, готовых убить Его.

(Эти лицемеры не терпели тех, кто думает иначе, чем они, и в подлом поступке Мардохея, воспользовавшегося пани-

кой среди торгующих в храме Иерусалимском и потом вступившим, судя по всему, в сговор со своим сватом, – угадывалась не только извечная алчность богатых, но и неискоренимая фарисейская потребность унижить иноверца.)

Дав знак напарнику Симону, чтобы тот последил за отарой без него, Агасфер спустился по склону, перешел вброд неглубокий в этом месте поток Кедрона и достиг пилигримов, когда они остановились на развилке с тропой, ведущей к Гефсиманскому саду.

Привстав на цыпочки и заглядывая поверх голов, он увидел в середине толпы небольшую смоковницу, на которую указывал побледневший, напряженный Назарянин, говоря: «Да не будет же впредь от тебя плода навек!» Вслед за этим деревце сперва привяло, а потом стало опадать листвою, скорчившись ветвями словно бы от нестерпимого зноя.

– Пустите меня к Нему! – выкрикнул Агасфер, делая отчаянную попытку пробиться к Назарянину, но потрясенная увиденным толпа будто окаменела, не пропуская. – Пустите, я хочу просить Его...

И тут из сердцевины ее раздался спокойный голос Иисуса: – Агасфер, меняла из храма Иерусалимского, о чем можешь ты просить Меня, если ты еще не пришел ко Мне и не понял слов Моих? Сейчас ты пасешь овец, но напоминаешь вора, который входит в овечий загон не через ворота, а хочет пролезть каким-то другим путем. Но тот, кто входит через ворота, тот настоящий пастырь своих овец. Я – ворота для

овец. Ты видишь их, но не входишь в них.

– Чтобы я вошел – докажи, что Ты Мессия! – откликнулся Агасфер. – Я должен узнать, прежде чем поверить!

– Обо Мне говорят те знамения, которые Я совершаю во имя Моего Отца, – был ответ. – Ты же не веришь Мне потому, что ты не Моя овца. Мои овцы слышат Мой голос, Я знаю их, и они следуют за Мной. Ты не Моя овца, – повторил Он и двинулся далее по дороге на Иерихон, в Заиорданье, и почитатели хлынули за Ним.

Осознав полное и окончательное крушение своей жизни, Агасфер разрыдался и пал на колени.

– Господь Всеблагий! – взмолился он, обращая к небесам несчастное лицо свое. – Зачем Ты наделил меня разумом?!

Глава четырнадцатая

Ненависть к Назарянину завладела Агасфером после того, как Он отказал в помощи.

Суровая саддукейская вера, в которой Агасфер был воспитан, присутствие в Израиле завоевателей-римлян, вознесших на стены Иерусалима щиты с портретами императора Тиберия, наконец, перипетии собственной судьбы научили его осмотрительности; а еще он крепко усвоил, как опасно быть приближенным к правителям и иерархам.

И тем не менее, утром 14 нисана, когда плененный накануне в Гефсиманском саду Иисус, всю ночь подвергавшийся издевательствам стражников, предстал перед судом Малого Синедриона, состоявшего из двадцати трех саддукеев – священников и старейшин – Агасфер охотно пошел свидетельствовать против Него.

Разбирательство началось с допроса свидетелей, и Агасфер, стараясь не смотреть на избитого и оплеванного подсудимого, чтобы не впасть в сострадательную жалость, показал, что в день изгнания торгующих из храма Иисус лично ему, Агасферу, обещал «разрушить храм рукотворный» и в три дня восстановить, после чего в поднявшейся суматохе он, Агасфер, получил удар по голове от единомышленников Назарянина и лишился значительной части денег, принадлежавших хозяину.

– Ударил тебя базарный вор по имени Савл, чтобы пожить монетами с твоего меняльного стола, – проговорил вдруг Иисус, разлепив губы в запекшейся крови. – А деньги у тех, кто вступил в сговор с тобой для обмана. Ты понял утрату свою, но не понял слов Моих.

Первосвященник Каиафа, который вел заседание, прервал подсудимого, ибо Ему не было дано слова; Иисус смолк, сделав протестующий жест связанными руками, словно хотел избавиться от веревок.

Каиафа призвал еще одного свидетеля, ибо по закону для того, чтобы обвинение имело силу, требовалось согласное показание хотя бы двух лиц, но такового не оказалось: то ли судьи в спешке не успели подобрать нужного человека, то ли не нашлось смельчака выступить против Того, Кто называл Себя Сыном Божьим.

Справившись с легким замешательством, первосвященник вышел на середину зала и спросил:

– Подсудимый, подтверждаешь ли ты, что собирался разрушить храм Иерусалимский?

Поникший головой Назарянин хранил молчание.

Каиафа, раздосадованный, что судилище не идет, как надо, нетерпеливо воскликнул:

– Заклинаю тебя, скажи наконец: Ты ли Мессия, Сын Благословенного?

– Я есмь, – последовал ответ.

Первосвященник порозовел лицом, с трудом скрывая ли-

кование.

– Итак, Ты – Сын Божий? – с прищуром переспросил он.

– Ты сказал, – отозвался Иисус.

Разорвав на себе одежды, Каиафа возопил:

– Какая нам еще нужда в свидетелях? Вы слышали хулу? – обратился он к членам Синедриона. – Что скажете?

– Повинен смерти за святотатство, – откликнулись заседатели.

Когда осужденного увели и члены Синедриона, возбужденно переговариваясь, начали расходиться, Каиафа помянул к себе Агасфера и, приобняв за плечи, проникновенно проговорил:

– Ты истинный ревнитель Закона Моисеева, Агасфер. Ты оказал нам неоценимую услугу, ибо сказано в Писании: «Тот, кто вершит правый суд – соработник Богу».

Глава пятнадцатая

...Когда один из стражей, приставленных к распятому на кресте Иисусу, проткнул Его грудь копьем, чтобы убедиться, что казненный мертв – из тяжелых фиолетовых туч, собравшихся над Голгофой, свалился холодный шквал, пригнув маслины и оголив их серебристое исподнее, – ветвистая молния, похожая на Древо жизни, соединила землю с небом и грянул гром, заглушивший голоса стонающих женщин иерусалимских. Потоки воды хлынули на сумрачную гору, бурые ручьи побежали по склонам ее, и промокший до нитки Агасфер часто поскальзывался и падал, стараясь поскорее покинуть место казни.

Чисто физическая сторона мученической смерти Иисуса угнетала его и вызывала сострадание, но он укреплял себя тем, что честно выполнил долг саддукея, защитив свою веру от Того, Кто пытался порушить Закон Моисея в угоду собственному тщеславию: не сотворив никакого чуда, чтобы избежать позорной смерти на кресте, – Назарянин наглядно подтвердил, что не был Сыном Божьим.

«И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушивайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его, – вспоминал он слова Второзакония, утверждая себя в правоте своей, – не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте: не

бойтесь лица человеческого, ибо суд – дело Божие...»

Это была пятница, а Эсфирь обыкновенно поджидала его в саду по субботам, но Агасферу захотелось увидеть ее немедленно, чтобы сообщить: тот, кто разбил их надежду на счастье – получил по заслугам его.

Когда он опустился к бурному, помутневшему Кедрону, – ливень прекратился, ярко полыхнуло солнце, сверкая мириадами блесков в тихом каплепаде, срывающемся с деревьев, и начали робко пробовать свои голоса оживающие птицы.

В свете благодатного, теплого земного дня, распахнувшегося перед Агасфером, он даже кратко ощутил в себе упругие, победительные силы оттого, что был непререкаемо жив, в то время как обидчик его расстался с этим миром на Голгофе.

С трудом вскарабкавшись по скользкому обрыву Кедрона, тайком перемахнув через ограду и затаившись в густом терновнике запущенного уголка сада, Агасфер увидел часть заднего двора, по которому расхаживали горделивые цесарки, и двух лежащих верблюдов, флегматично перетирающих жвачку; от них уносили снятую поклажу люди в пестрых одежаниях.

Мокрый, перемазанный глиной и продрогший, – он в конце концов сумел незаметно привлечь к себе внимание юной служанки его Эсфири, которая вышла покормить птиц зерном.

Вскоре девушка принесла ему войлочное покрывало, что-

бы согрелся, и лепешку с холодным мясом, чтобы утолил голод. Она торопливо сообщила, что в доме прибывший из Александрии жених, и Эсфирь выйдет к Агасферу, как только улучит удобный момент.

Известие о женихе оглушило Агасфера, и он уже не чувствовал себя победителем.

Ожидание Эсфири затянулось до глубоких сумерек, из дома доносились звуки флейт, тамбурина и возбужденные голоса пирующих.

Эсфирь прибежала к нему лишь под вечер. С горящими глазами, в дорогом, шитом золотом, одеянии и драгоценных украшениях она была прекрасна настолько, что показалась Агасферу чужой.

– Он посватался, посватался, – сквозь слезы говорила она. – И дедушка дал согласие... Не нужны мне его подарки, – продолжила она, рванув с шеи и отбросив жемчужное ожерелье. – Не нужны мне его признания, и он мне не нужен... Агасфер, любимый, я решила... Если нам не дано вместе жить, давай вместе умрем. Умрем, и наши души вместе вознесутся на суд Всевышнего. Но я хочу умереть твоей женой. Возьми меня, Агасфер... Ведь я давно уже твоя...

И не было ничего вокруг, кроме них двоих, ставших, наконец, единым целым в головокружительном полете сквозь пепельную дымку вечности. В неизъяснимом блаженстве, утратив способность думать, они плавно возносились к истокам Единого Сущего, не замечая, как изъязвляют колючие

шипы терновника совершенные их тела, возносились туда, где не было жизни и смерти, одна лишь беспредельная, сияющая любовь...

– А теперь возьми вот это, – проговорила Эсфирь, отстав от его ласк и целуя спокойным, бережным поцелуем жены. И протянула Агасферу небольшой кинжал дамасской стали, украшенный камнями. – Я отдаю тебе свою жизнь. А потом ты отдашь мне свою.

Он понял, что счастье их в самом зените, и смерть оставит его на этой благодатной высоте, в то время как жизнь неизбежно приведет его к закату.

Самоотреченно, почти бесчувственно он вонзил острое жало под ее незащитно дрогнувший сосок. Эсфирь легонько вскрикнула, и вскоре гримаса боли на лице ее сменилась просветленной улыбкой ожидания. Агасфер прилег рядом и, зажмурившись, ударил себя в сердце...

...Вначале ему почудилось, что жизнь и смерть – одно и то же, между ними нет разницы, а потому нет перехода. Но когда он – не чувствуя ни ужаса, ни боли – извлек клинок из своей груди – обнаружил, что на нем нет ни капли крови, а кожа на ране мгновенно зарубцевалась...

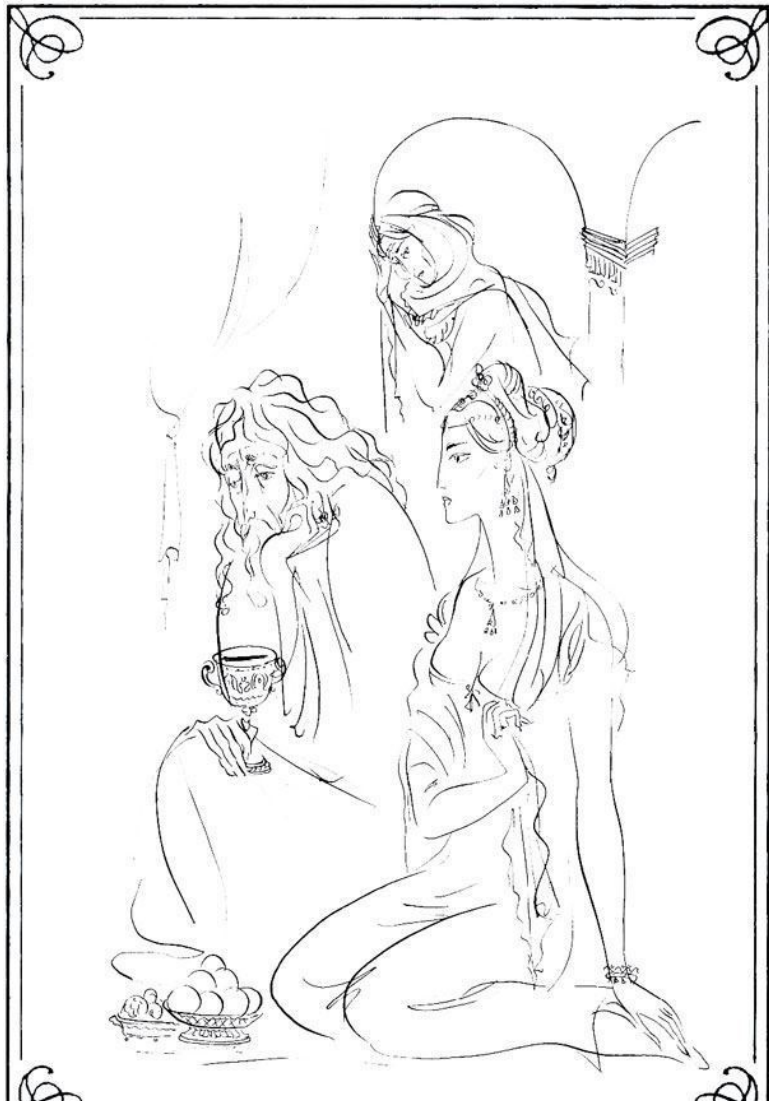
Дикий, звериный крик исторгся из груди его, и Агасфер, гонимый необоримым страхом, в помутнии разума выбежал из сада и бросился с обрыва Кедрона.

Очнувшись, он открыл глаза в плотную, фиолетовую, проеденную звездами ночь.

Вчерашнего своего он не помнил, а завтрашнего не знал: лишь серая, беспросветная тоска существования напоминала Агасферу, что он жив.

Рядом с ним лежал длинный желтоватый посох, освещенный лунным светом и словно бы звал в путь.

Агасфер трудно поднялся, взял его в руку и сделал первый неуверенный шаг в новую жизнь, имея вид слепца, взгляд которого обращен внутрь себя.

Часть вторая

В оковах инквизиции

Глава первая, в которой странствующий монах- доминиканец Фергаас подвергается смертельному испытанию

Путь его лежал во франконский Бург, известный своими виноделами, суконщиками и еретиками. Название же защищенного земляным валом с частокольным палисадом поверху городка, через который пришлось пройти, он даже не запомнил: за годы странствий память его была перенасыщена впечатлениями и обрела свойство отторгать несущественное.

Однако он не упустил случая пасть в местной церкви на колени перед аляповато раскрашенным распятием, где в наивном изображении современного художника совсем не походил на себя истинного лик Иисуса. И если бы церковный священнослужитель, который облачался в сакристии⁴ при

⁴ Сакристия – ризница в католическом храме, где хранятся принадлежности культа.

алтаре, готовясь к вечернему богослужению, не был туговат на ухо, – он наверняка поразился бы, что забредший к нему доминиканец довольно громким и гнусавым голосом молит Христа о смерти.

Подобно прочим членам нищенского ордена, основанного преподобным Домиником Гутцманом для борьбы с ересью и в 1220 году объявившем отречение от собственности, монах был облачен в грубое темное рубище с куколем, подпоясанное вервием. На вид ему было лет пятьдесят, а может, и все семьдесят: в длинной бороде просвечивала седина, сухое обветренное лицо испещряли морщины, а извилистая складка тонких губ имела выражение старческой брезгливости.

Монах, при знакомстве назвавшийся братом Фергаасом, немногословием и всем своим сумрачным видом, казалось, излучал невидимые флюиды опасности, и священник вздохнул с облегчением, когда гость покинул божий храм.

На площади перед ратушей странник остановился у обуглившегося столба, под которым теплый ветерок пошевеливал пепел кострища; на краю его крючилась полу-сожженная женская рука с остатками кружевного манжета (нередко перед аутодафе жертве отрубали конечности), а неподалеку стояла повозка с привязанной к задку веревкой, на которой полагалось перед экзекуцией протащить приговоренную по улочкам города.

«Огнем очищается душа», – со вздохом вспомнил доминиканец слова Спасителя и, перекрестившись, направился в

сторону городских ворот.

Хотя, опираясь на посох, он заметно прихрамывал на левую ногу, набухшую большими венами, шаг его был уверенным и спорым.

Сразу же за городским рвом с гнилой, смердящей отбросами водой, перед путником открылась волнистая равнина, мягко подкрашенная закатом; на ней пестрели стада, уже сбиваемые пастухами в гурты перед угоном с лугов. На ухоженных землях монастыря, неприступно темнеющего вдаль, копошились старательные человеческие фигурки. Внизу, на широкой багровой плоскости Рейна, обрамленной сквозной весенней зеленью, таились рыбацкие суденышки, и от невидимой за деревьями пристани доносились хриплые выкрики грузчиков.

Фергаас поймал себя на мысли, что уже тысячекратно видел подобную картину подневольного людского труда, имеющего единым смыслом выживание на земле. И его собственная участь – тяжкая и не до конца ясная – на фоне этого муравейника показалась все же предпочтительнее, ибо он, Фергаас, причастен был к Божественному Началу, суровую волю которого выполнял, странствуя по земле.

Петлистая дорога, преодолев крутой откос, завильнула в виноградники, и тут путнику повстречалась толпа истерично галдящих, босоногих, одетых в лохмотья женщин с темными отечными лицами в струпьях и высветленными безумием глазами.

– Святой отец, исповедуй меня! – подступила к нему высокая, рано поблекшая молодка, чьи пыльные, скомканные русые волосы, судя по всему, давно не знали гребня. – Каждую ночь я совокупляюсь с дьяволом! Он приходит ко мне нарядным кавалером, владеет мной и всякий раз оставляет хорошие подарки! Посмотри на эти драгоценные камни! – И она протянула доминиканцу несколько серых речных галек.

– А я порчу скот и посеvy! – выкрикнула ее соседка.

Женщины окружили монаха плотным кольцом, и ему сделалось нехорошо от запаха их разгоряченных несвежих тел.

– Я разрываю могилы новорожденных и готовлю из их тел колдовское снадобье!

– А я летаю на шабаш, где поклоняюсь сатане!

– А я поедаю сердца и печень детей, умерших некрещеными!

– Мы ведьмы! Сожги нас на костре, святой отец!

Это были жалкие создания, охваченные эпидемией беснующихся: страшные рассказы о дьяволе в церковных проповедях, повсеместная охота на ведьм, зрелище дымящихся костров инквизиции, истребляющих еретиков, – породили среди женщин болезненное возбуждение умов, при котором они заведомо оговаривали себя. Часть этих несчастных изгнана из страны, других ждала участь подлинных ведьм...

– Падите ниц! – громовым голосом приказал монах, высоко воздев над головой свой посох. – Молитесь до первой звезды, и избавление ваше придет!

Применив этот, проверенный годами, прием, он оставил окаменевших путниц на дороге и поспешно двинулся дальше, мысленно утешая себя тем, что борьба за чистоту Христовой веры – как в хаосе крестовых походов, так и в мирные времена – не обходится без невинных жертв.

Медленно и неохотно наступал белесоватый вечер; странник двигался сквозь пейзаж, ощущая кожей как теплый, сухой воздух холмов сменяется влажноватой прохладой долин. Птичьи голоса смолкли, и звуки приобрели ту объемность, когда даже всплеск речной рыбы, усиленный наступившей тишиной, бывает слышен далеко вокруг.

Ночь накрыла окрестности сероватой полупрозрачной кисеей, и когда монах поднимался на очередную вершину – сквозь нее неясно проступали островерхие готические крыши и шпили еще не близкого, но уже различимого за далью Бурга.

Одолеваемый бессонницами доминиканец больше всего любил странствовать по ночам, когда дороги безлюдны, селения отдыхают от дневной суеты, а звездное небо над головой порождает мысли о вечном.

Лишь после греховных часов, проведенных в объятиях женщины, Фергаас бывал способен забыться долгим, бесчувственным сном, похожим на маленькую смерть; в каком бы возрасте не пребывал он, черные блестящие глаза его горели тайным огнем вожеления, и порою монаху казалось, что в больной душе его соседствовали Бог и сатана – в извечном

противостоянии допустимого.

Согрешив в очередной раз, он долго каялся в молитвенных бдениях, некоторое время старался избегать женщин и еще истовее служил Христу в кровавом истреблении ереси.

Познав множество стран, народов и религий, сейчас он погружен был в средневековую ночь в прямом и переносном смысле: чудилось, сам воздух пропитан был таинственными знаками и страшными предостережениями о близком конце мира; сатана, сын ужаса и печали, незримо присутствовал в сумрачной тени кафедральных соборов, в тяжелом молчании монастырей, где люди казались заживо погребенными, в тайной келье алхимика, помешанного на получении эликсира жизни, на гнусных шабашах ведьм и даже в полях, где голодные рабы гнули спины на своего господина...

Могучий полузасохший дуб показался впереди на обочине дороги; в изломанном переплетении ветвей этого свидетеля столетий, чернеющих на фоне неба, угадывалась мука прожитых лет и суровая, молчаливая мудрость.

Монах почувствовал свое тайное родство с деревом-патриархом и решил кратко отдохнуть под ним, чтобы ушла боль из нездоровой ноги.

Едва опустился он на теплую, сухую землю, поросшую молодой травой, и откинулся спиной на морщинистый ствол дерева, в придорожных кустах, призрачно освещенных лунной, обозначилось какое-то движение, промелькнули быстрые тени, и в следующий момент несколько мужчин, воору-

женных рогатинами, пиками и алебардами, выметнулись из зарослей и окружили доминиканца, тяжело и прерывисто дыша.

– Попался! – раздались их ликующие выкрики.

– Наконец-то мы поймали его!

– Смерть тебе, душегубец!

В мгновение ока монах был повален, распят навалившимися нетерпеливыми телами, от которых пахло потом и винным перегаром, и чьи-то сильные, беспощадные руки вознесли над его грудью остро отточенный осиновый кол.

– Стойте! – раздался властный голос, и страшное орудие в нерешительности замерло в воздухе, а потом и вовсе было отведено в сторону. – Прежде чем убить нечестивца, посмотрим содержимое его сумы!

Минуту спустя высокий человек с черной повязкой на глазу уже потрошил холщовую торбу доминиканца, потом развернул извлеченный из нее заветный свиток, и кто-то услужливо поднес коптящий фонарь к хищному лицу читающего.

– «*Summis desiderantes*», – возвестил тот, приблизив текст к сверкающему оку. – Булла папы Мартина Пятого от первого апреля тысяча четыреста восемнадцатого года. «Мы получаем известия, что в Германии многие лица обоего пола входят в союз с дьяволом, вредят людям и скоту, портят поля и плоды, отрицают христианскую веру и, побуждаемые врагом рода человеческого, совершают еще другие преступления. Посему профессор теологии, доминиканец Фергаас назнача-

ется инквизитором с обширными полномочиями в прибрежных странах. Он должен исполнять свои обязанности относительно всех и каждого, без различия звания и состояния, и наказывать тех лиц, которых он найдет виновными, сообразно их преступлениям: заключать в темницу, лишать жизни или имущества. Все, что он найдет нужным сделать для этого, он может совершить свободно и беспрепятственно, призывая в случае надобности помощь светской власти».

– Инквизиция! – взвился чей-то панический голос, и окружавшая лежащего монаха толпа мгновенно отпрянула, истаивая затухающим топотом перепуганных ног.

– Будет ли брат Фергаас отрицать, что я спас ему жизнь? – раздался сверху иронический баритон Одноглазого.

Он стоял над поверженным доминиканцем, опираясь на его посох и саркастически кривил худое бритое лицо.

– Значит, это угодно было Господу нашему Богу, который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины, – отозвался Фергаас, поднимаясь на ноги.

Но Одноглазого рядом уже не было, лишь желтел на земле посох монаха да чадил рядом с ним погасший фонарь, брошенный убежавшими.

Это ночное злключение объяснилось, когда под утро страдающий от боли в ноге доминиканец решил остановиться для отдыха в постоялом дворе «Медведь» – последнем пристанище для путников перед въездом в Бург. В предрассветных жидких сумерках ему удалось прочесть постанов-

ление местных властей, прикрепленное на воротах: «В виду полученных верховным судом Бургского парламента сведений, что часто видят и встречают человека-волка, похитившего уже нескольких маленьких детей и нападающего на всадников, названный суд, в предупреждение большего зла, разрешает жителям этих мест, невзирая на существующие законы об охоте, собраться с рогатинами, алебардами, пиками, пищалями, дубинами и учинить охоту по названному оборотню. Преследовать его всюду, поймать, связать и убить, не отвечая за это штрафом или взысканием».

Глава вторая, в которой вновь появляется Одноглазый и искушает Фергааса опасными вопросами

В «Медведе», где простолюдины спали вповалку в общей комнате, ему выделили помещение для господ – каморку над конюшней, в которую вела наружная деревянная лестница. Обстановку ее составляла стоящая посередине дубовая кровать, покрытая серым сукном, круглый стол на резных львиных лапах и четыре тяжелых стула. Платяной шкаф заменяла ниша, образованная дощатой внутренней стеной и наклонным скатом крыши, а единственное оконце выходило во внутренний двор, ограниченный изгородью из острых кольев, а также дровяным и санным сараями.

Из-за разболевшейся ноги монах решил устроить себе день отдыха и, разувшись и устало распластавшись на покрывале, слушал долетающие снаружи обыденные, успокаивающие звуки: всполошенные причитания несущейся курицы, старательную стукотню топора, колющего дрова, визг поросенка, приглушенный расстоянием, и характерное жестяное брнчание ведра, опускаемого в колодец.

В такие минуты доминиканцу закрадывалась мысль, что, возможно, незатейливая людская жизнь на бытовой плоскости – без духовных томлений, которые приумножают

скорбь, – и есть то, истинное, завещанное Богом, а всякое умствование есть ничто иное, как искушение дьявола...

Эти размышления, как всегда, привели к осознанию своего трагического горного одиночества, и монах, тяжело вздыхая, поднялся с ложа и начал медленно спускаться к людям по шатким ступеням наружной лестницы.

В ожидании ужина постояльцы теснились на грубых табуретках за длинным столом, покрытом несвежей холщовой скатертью в пятнистых разводах от предыдущих застолий, и перед ними расставлены были деревянные миски с ложками и помятые оловянные кружки.

Наконец, из закопченной печи, в зеве которой играл веселый трескучий огонь, был подан кипящий котел с мясом, а обильная телом блондинка, которую все ласково называли Марточкой, стала игриво разносить вино, которое цедила из стоящего неподалеку бочонка; при этом зазывно колыхалась ее высокая молочная грудь, поджатая снизу тугим корсетом.

Сотрапезники принялись шумно выуживать и делить между собой куски говядины, доминиканец же, который многие годы обходился без пищи, пригубил кислотоватое рейнское.

Когда же, осушив кружку, он поднял глаза, – увидел сидящего напротив Одноглазого, словно бы материализовавшегося из воздуха.

– Будет ли брат Фергаас отрицать, что я спас ему жизнь? – усмешливо задал он тот же вопрос, что при первой встрече.

– Жизнь ничто по сравнению со смертью, – ответил монах, стараясь сохранять спокойствие. – Смерть – выражение высшей любви нашей к Богу. Умирая, человек умирает для себялюбия, смерть убивает его «я», разлучает душу с телом, так что душа вообще расстается с этим миром. А что иное заслужила она, как не уход в Бога Предвечного, который ради этой смерти через любовь станет ее жизнью?! – это были уже слова одной из проповедей доминиканца. Произнося их, он даже по привычке возвысил голос, и окружающие на минуту примолкли, глядя в его сторону с почтительной опаской.

Спохватившись, монах замолк, за столом восстановился прежний сдержанный гвалт, а Одноглазый язвительно проговорил:

– Выходит, мой поступок был излишним, поскольку святой отец ищет смерти?

– Жизнь и смерть в руках Господа нашего, – уклончиво отозвался доминиканец.

Одноглазый вытащил из своей миски кусок мяса на желтой сахарной кости, попробовал было откусить, но обжегся, с раздражением бросил его обратно и вытер руки о край скатерти.

– Скверное вино, – заметил он позже, ставя пустую кружку на стол и утирая рот узкой смуглой ладонью с крупным перстнем темного камня на холеном пальце.

– Не хуже, чем в других харчевнях, – сдержанно отозвался

доминиканец, жестом подзывая Марту, чтобы принесла еще рейнского.

– Святой отец совсем не ест, – заметил собеседник, заострив на монахе зоркий взгляд единственного глаза, который казался Фергаасу то черным, то голубым. – Но пьет вино.

– Спаситель наш Иисус тоже пил вино, – заметил монах.

– Вот человек, любящий есть и пить вино, – процитировал Одноглазый Евангелие. – Друг мытарей и грешников.

– Он послан был врачевать не здоровых, но больных, – напомнил доминиканец.

– Пил вино, а других призывал к трезвости, – ядовито заметил Одноглазый и привел еще одну выдержку из Писания: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого проглотить».

– Это слова апостола Петра из его Первого послания, – уточнил монах.

– А разве учитель и ученик не одно и то же? – усмехнулся Одноглазый и добавил: – А вот слова Иисуса: «Смотрите же за собою, чтоб сердца ваши не отягчались объедением и пьянством, и заботами житейскими...»

На доминиканца потянуло опасным холодком еретической провокации, и он сомкнул уста, тревожно подумав: «Уж не шпион ли самого папы?»

– Вино возбуждает плоть, – проговорил Одноглазый, запивая рейнским наконец-то остывшее мясо. – Вы же согласитесь, святой отец, что с каждой новой кружкой бюст Мар-

ты становится все соблазнительнее.

– Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй, – отозвался монах, решительно переходя в наступление. – А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем... Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну... – Еще не закончив фразы, доминиканец оцепенел нутром, осознав допущенную непоправимую бестактность: у собеседника отсутствовал именно правый глаз, а в левом от слов Фергааса заплясали злые желтые огоньки.

– Кто из любви к Богу молит о смерти, не станет ли молить о жизни из любви к женщине? – саркастически произнес Одноглазый и поднялся из-за стола.

Глава третья, в которой Фергаас предается научным трудам и размышлениям, а потом появляется молодой монашек

Эти слова Одноглазого смутили доминиканца: похоже, прилипчивый незнакомец знал о тайном пороке странствующего монаха, и они прозвучали как опасное предостережение.

– *Mea mihi conscientia pluris est quam omnium sermo*⁵ про-
бормотал Фергаас, поднимаясь к себе в плотных вечерних сумерках и зажигая свечу, оплывшую воском на кованный подсвечник.

Надо признать, что кроме молитв, исповедей и покаяний больную душу доминиканца врачевал белый лист бумаги, который он любил засеивать мелкими, аккуратными буквами: уже несколько лет он работал над трактатом «Подражание Иисусу Христу», в котором, помимо всего прочего, обосновывал необходимость борьбы с колдовством как злейшим врагом христианства.

«Должно презирать и строго исправлять тех людей, – писал он сейчас, по обыкновению далеко отстранившись от

⁵ Моя совесть важнее мне, чем все пересуды (лат.).

стола, – которые насмежаются над теологами, когда они говорят о демонах или приписывают демонам какие-нибудь действия – как будто все это были вещи совершенно баснословные. Это заблуждение появилось между некоторыми учеными людьми отчасти от недостатка веры, отчасти от слабости и несовершенства ума; потому что, как говорит Платон, относить все к чувствам и быть неспособным отвращаться от них есть величайшее препятствие к истине».

Этот научный труд должен был нанести сокрушительный удар по врагам веры, изобличив как бюргерские ереси (с их требованиями упразднения духовенства как особого сословия и клеветой на официальное учение церкви), так и ереси плебейские, знаменем которых было имущественное равенство, что нередко приводило к крестьянским восстаниям.

Этот последний удар был необходим для полного торжества христианства, ибо дела церкви были на подъеме, как никогда прежде: Константинопольский собор положил конец расколу, коронация нового папы Мартина V (заменившего трех предыдущих, низложенных – Иоанна XXIII, Григория XII и Бенедикта XIII) проводилась в Мюнстере, впервые на германской земле; папа проехал по улицам города, и по обе стороны от него, держа под уздцы белого лошака, шествовали римский король Сигизмунд и курфюрст Бургский. Новый папа решительно отринул догматические учения, а сожжением на костре Яна Гуса дал назидательный пример борьбы с ересью.

За время своих странствий по Израилю, Египту и Индии, где он принадлежал к родникам местных религий, Фергаасу открылось, что воли отдельно взятого человека не существует, а есть либо воля Всеблагого, которую этот человек исполняет, либо искушение сатаны, в чьи сети он попал.

События в Иерусалиме 14 нисана, описанные евангелистами, открылись Фергаасу с новой стороны, и он понял, что каждый, кто враждебно отнесся к Иисусу Христу на его мученическом пути к Голгофе, – был искушаем дьяволом.

«Две силы оспаривают власть над миром – Бог и сатана, – продолжал он изложение трактата. – Бог мог бы уничтожить сатану и его силу, но Он предоставляет ему – на предустановленном основании – право действовать в мире, искушать и свращать человечество для того, чтобы оно своим сопротивлением соблазну нечистой силы заслужило спасения».

Разволнованный творчеством доминиканец то и дело откидывался на спинку стула, часто, тяжело дыша, и тогда зыбкий огонек свечи трепетал, готовый погаснуть. Он почти не заметил, как весенняя гроза пронеслась за фиолетовым окном и сменилась ровным, усыпляющим шумом дождя.

Потянувшись сухим жилистым телом, монах встал из-за стола и прошелся по комнате, разминая затекшие ноги, и тут раздался осторожный, как бы извиняющийся стук в его дверь.

Открыв ее, доминиканец увидел на пороге молодого монашка в бурой сутане, промокший куколь которой скрывал

лицо неожиданного гостя.

Тот же, сделав шаг вперед, надломленно упал на колени, низко склонив голову, и произнес тонким, умоляющим голосом:

– Святой отец, спасите меня...

Глава четвертая, в которой монашек оказывается женщиной, а Фергаас подозревает в ней суккуба⁶

– Спасите меня, святой отец, – повторил монашек и, дрогнув узкими плечами, разрыдался совсем по-женски.

Последнее обстоятельство насторожило доминиканца, и он, приблизившись, мягко откинул куколь с головы юноши; водопад струистых медных волос низвергнулся вниз, открылось бледное женское лицо, и от взгляда крупных изумрудных глаз семитского разреза монах даже пошатнулся, прикрывшись ладонью.

– Кто тебе угрожает, дитя мое? – после невольной паузы спросил он, немного придя в себя от ослепительной, тревожно-знакомой красоты женщины.

– Я сбежала от инквизиции Бурга, – с легкой хрипотцой отозвалась она.

Доминиканец осторожно поднял ее с колен и усадил за стол.

В свете свечи стала хорошо различима россыпь мелких веснушек у крыльев ее точеного носика с едва приметной горбинкой, а яркие губы с приподнятыми уголками, словно

⁶ Суккуб – женщина, образ которой принимает дьявол для соблазнения мужчины.

бы созданные для улыбки, никак не сочетались с отчаянием во взгляде.

– Как зовут тебя? – спросил монах внезапно севшим голосом.

– Эстер, – отозвалась гостья. – В детстве родители называли меня Эсфирь, их убили во время крестового похода против альбигойцев⁷, а меня сдали в приют для девочек в Приулле.

– Дитя мое, – мягко возразил доминиканец, садясь напротив. – Этот поход был возбужден папой Иннокентием Третьим в тысяча двести девятом году. Если ты говоришь правду, тебе должно быть более двухсот лет.

– А, может, так оно и есть, – почти дерзко отозвалась женщина, разом теряя жалобные интонации в голосе. – Я не знаю, сколько мне лет.

– И потом – Альби это юг Франции, Тарнский департамент...

– Да какая мне разница! – перебила Эстер. – Меня бросили, как собачонку к чужим людям... До чего ж я промокла, черт... – Зябко повела она плечами. – Промокла и проголодалась...

– Не поминай имя нечистого к ночи, – назидательно проговорил монах и протянул ей свою сменную сутану, извлеченную из сумы. – Переоденься. А я постараюсь добыть тебе

⁷ Альбигойцы – церковная секта, проповедовавшая апостольское христианство и строго нравственную жизнь.

съестного.

– И вина! – крикнула женщина ему в спину почти весело.

В харчевне пахло мочой и прогорклым кухонным тряпьем, каким вытирают со стола. Коптил у потухшей печи свисающий на цепи фонарь, слабо освещая помещение, где двое пьяных спали, уронив косматые головы на столешницу; третий, раскинувшись на полу в позе греческого сатира, громко храпел, и под ним поблескивала лужица.

В дальнем углу на скамье ярко белело полное заголенное бедро Марты, которая пыхтела, со смехом отбиваясь от облапившего ее мужчины, едва различимого в темноте; и поспешная готовность, с какой она выдала доминиканцу полголовки сыра, хлеб и кувшин вина, свидетельствовала о том, что ее сопротивление мужскому натиску было притворно, и блудница желает поскорее избавиться от нежелательного свидетеля в лице служителя церкви.

При виде принесенной провизии Эстер оживилась, а после двух кружек рейнского щеки ее порозовели и красота стала цветущей.

– Так в чем тебя обвиняют охранители веры? – поинтересовался Фергаас, подкрепившись вином вместе с гостьей.

– Зеленщик Вольфганг, дубина, украл у меня в сарае мешок, – отозвалась женщина, аппетитно поедая сыр. – И употребил на заплаты для брюк, после чего у него стали болеть колени... Трубочиста Юргена я угостила яблочным пирогом,

и его вырвало... А эта дура, соседка Анна начала на меня орать, будто приманиваю ее кур, чтобы неслись у меня под крыльцом... Я ей ответила, как следует, и у нее прихватило бок... Вот они и донесли, что я ведьма, – беспечно заключила Эстер, подставляя пустую кружку под кувшин в руках доминиканца.

Хмель и безупречная красота молодой женщины пробудили в монахе тревожные флюиды вожеления, и он с опаской подумал: «Уж не суккуб ли она, Господи?»

– Убегая от инквизиции Бурга, ты попала к инквизитору, назначенному самим папой, – сказал он, ограждая себя от греховных побуждений.

– Я знаю, – неожиданно отозвалась Эстер, глядя доминиканцу прямо в глаза, что не свойственно ведьме, которая всегда смотрит исподлобья. – Ты преподобный Фергаас, папский комиссар ведьм. Добрые люди надоумили отыскать тебя. Сказали, что ты самый справедливый инквизитор во всей Германии.

«А может, и не суккуб... – засомневался доминиканец. – И все же...» – Прочти «Отче наш», – приказал он, подвергая гостью испытанию: было известно, что ведьма не способна произнести текст, не сбившись.

Эстер прочла молитву без запинки, до самого конца и усмешливо спросила:

– Святой отец не верит мне?

Поборов минутное замешательство, доминиканец про-

должил допрос:

– Не был ли кто из родителей твоих осужден за колдовство?

– Я же сказала, что почти не помню своих родителей! – женщина смотрела на него с вызовом; похоже, от вопросов монаха ей сделалось жарко, и она нетерпеливым движением маленькой проворной руки высвободила из грубого ворота одежды стройную мраморную шею.

Монах даже зажмурился, испытав новый приступ вождения.

– Когда ты в последний раз исповедовалась? – спросил он, чувствуя, как пересыхает в горле, и потянулся к ополовиненному кувшину.

– Неделю назад отец Гермоген отпустил мне грехи в соборе Бурга.

– С тех пор не грешила?

– А с кем грешить-то? – покривилась женщина. – Сукончики провоняли шерстью, у нотариуса от сидения в конторе мужская слабость, а у почтенных бюргеров такие животы... б-р-р...

От всего этого потянуло тайным сквознячком порока, столь притягательного в своей очевидной греховности, что монах вновь вспомнил про дьявола и в испуге начал мысленно творить молитву.

Глава пятая, в которой Эстер склоняет монаха к соитию, а под утро он обнаруживает на ней «печать дьявола»

Насытившись едой и вином, Эстер закинула руки за голову, изогнулась с кошачьей грацией и, томно зевнув, проворковала:

– Святой отец, можно мне в постельку?

– Отдыхай, – разрешил он, гася свечу. – А я проведу ночь в молитвенном бдении.

Гроза, кажется, возвращалась, громыхая все ближе; женщина отошла от стола, и в очередной вспышке молнии Фергаас увидел народившееся из сброшенных, как осенняя листва, одежд ее совершенное тело, исходящее золотистым сиянием.

– Et ne nas inducus in tentationem⁸ сто крестясь.

В комнате вновь полыхнуло, звук грома походил на треск разорвавшейся крепкой, упругой ткани; серым крылом взмахнуло вскинутое женщиной суконное постельное покрывало, и в следующее мгновенье Эстер проворно занырнула под него.

⁸ «И не введи нас во искушение» (Евангелие от Матфея, 6,13).

«Царь небесный, Утешитель, Дух Истины, Который везде существуешь и все Собою наполняешь... – Истоиво молился доминиканец, стоя на коленях. – Источник всякого добра...»

– Господи, – тихо пожаловалась Эстер. – Какая жесткая постель... Не то, что моя мягонькая домашняя перинка...

«... Податель жизни, приди и вселись в нас...» – шептал монах, стараясь не смотреть в сторону кровати.

– Бедная я сиротка, – простонала женщина, ворочаясь в постели. – Дорожные булыжники мягче этого ложа...

«...И очисти нас от всякой нечистоты...» – зывал Фергаас.

– Святой отец, мне холодно, – капризно проговорила женщина.

«...И спаси, Милосердный, наши души...» – продолжил доминиканец, сознавая, что начинает уклоняться разумом от молитвенного текста из-за возникшего сочувствия женщине.

– Холодно и страшно, – повысила та голос. – Я очень боюсь первой майской грозы...

Доминиканец вспомнил вдруг, что сегодня ночь на первое мая, и ему самому сделалось не по себе: это было время ежегодного шабаша ведьм на горе Бронкен, где они собирались вокруг сатаны вместе с другой нечистью...

– Не бойся, я с тобой, – успокоил он гостью, присаживаясь на край кровати и накрывая ладонью ее лоб.

Она поймала его руку, поднесла к губам, и в следующее мгновенье ее влажный горячий язычок проворной змейкой

проскользнул меж пальцами монаха, вызвав столь крутое желание, что он с трудом сдержал стон.

– Святой отец, – почти весело проговорила Эстер. – Благородный рыцарь, не желая посягать на целомудрие дамы, кладет между ею и собой его боевой меч. Ты можешь положить между нами свой посох.

«*Inter mallium et incidem*»⁹ поразившись, что беспресловенно выполняет желание женщины.

В голове его шумело от выпитого вина, разбушевавшаяся стихия за окном словно бы скрывала происходящее с ним от людей и самого Творца; когда же, очутившись в постели, он ощутил бедром упругое прикосновение призывного женского тела – разнузданная плоть затмила его разум и разорвала в клочья оковы морали; под раскаты грома и тревожный перезвон церковных колоколов, прерывчато долетающих со стороны Бурга как защита от дьявольщины в Вальпургиеву ночь, – он понял, что стремительно падает в жутковатую и желанную пучину греха.

Похоже, Эстер сразу почувствовала это: решительно повернувшись к Фергаасу, она с порочным смешком отбросила посох, уселась на монаха и проворными движениями курицы принялась разгребать его одежду, добираясь к телу.

Потом теплая влажная теснина поглотила доминиканца, ликующая женщина вознеслась над ним, как ведьма на помеле: в мертвенных всполохах молнии проявлялось вдруг пре-

⁹ Между молотом и наковальней (лат.).

красное и пугающее лицо ее в победительном оскале наслаждения, волосы бешено вихрились словно на ветру, и Фергаас узнал ветер Иудейской пустыни, пахнувший иссохшими травами и накаленными камнями. Истребляя женщину лаской и поцелуями, сплетаясь с нею в безысходных объятиях, он оторвался, наконец, от земли и испытал давнее, единожды пережитое за долгую жизнь ощущение совместного полета сквозь пепельную вечность, и почти узнал качающееся перед ним на подушке в муке наслаждения женское лицо и подвластное его рукам гибко-податливое тело...

– Фергаас, – стонущим голосом проговорила она, остывая после их долгого, взаимоистребляющего единения. – Ты целовал меня не как распутную девку, а как возлюбленную... Почему?

– Потому что я любил тебя, – признался доминиканец.

– Я тоже любила тебя.

– Ты молода и красива, а я стар и безобразен. Разве можно меня полюбить?

– Не знаю, – призналась она. – Когда мы полетели в вечность, я увидела сверху храм Иерусалимский, и поток Кедрона, и беседку в саду над обрывом... И мне показалось, что я любила тебя всегда...

«Не иначе – ведьма», – ужаснулся монах, потому что женщина знала то, чего не должна была знать.

Под утро, когда окончательно выветрились из головы винные пары, а рассвет, поправ священное таинство ночи, уже

предвещал грубую реальность начинающегося дня, – доминиканец испытал столь глубокое раскаяние за все случившееся, что краски жизни померкли для него и время остановилось.

«Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои, – мысленно повторял он Пятидесятый псалом, и слезы жалости к самому себе выступали у него на глазах. – В особенности омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня. Ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда передо мною. Тебе, Тебе единому согрешил я, и лукавое перед очами Твоими сделал...»

Утомленная ночными ласками женщина исчерпанно спала рядом, разметавшись на постели с бесстыдством вакханки. Ее медные волосы змеились по подушке, тонкие розовые колени в лучах восхода отливали перламутром, а разлохмаченный каштановый холмик на схождение безупречных бедер еще хранил, казалось, следы недавней плотской бури.

«...Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. Не отвергни меня от лица Твоего, и Духа Твоего Святого не отними от меня...» – причитал монах, шевеля губами, и необоримый мистический страх тугими холодными кольцами свивался в его душе. Издевательское предостережение Одноглазого накануне вечером, вслед за которым незамедлительно явилась искусительница, к тому же обвиняемая в колдовстве, ее неправдоподобный рас-

сказ о родителях-альбигойцах, ее любовный пыл, в который не поверил бы ни один здравомыслящий человек, поскольку он направлен был на траченного жизнью старика с безобразно распухшей от странствий ногой, наконец, приуроченность этих событий к Вальпургиевой ночи с ее разгулом природной стихии и колокольным звоном... Тут явно не обошлось без вмешательства дьявольских сил, в чем монах – по трезвому рассуждению – уже почти не сомневался.

Существовало множество способов распознавания ведьмы, и самым убедительным являлось присутствие на ее теле *stigma diaboli*, «печати дьявола», которой обычно метит соблазненную жертву сатана своим острым когтем после того, как составляет с нею договор, подписанный кровью.

Стараясь не разбудить спящую, монах принялся пристрасно обследовать прекрасное тело ее со множеством родинок на атласной коже и, похолодев, обнаружил под левой грудью белый рубец.

Глава шестая, в которой утомленный ночными подвигами монах впадает в сон, а пробудившись, обнаруживает, что Эстер исчезла

Первым его порывом было увести женщину в Бург и там, в секретариате ведьм, устроить ей всестороннюю проверку. Однако страх, испытанный доминиканцем при обнаружении у нее *stigma diaboli*, был вовсе не случаен: если Эстер действительно оказалась бы ведьмой, под пытками – вне всякого сомнения – она выдала бы, что провела Вальпургиеву ночь с посланником папы в рейнских землях. Тогда инквизиторы обвинили бы Фергааса в связи с дьяволом, и папская булла его не спасла бы; даже некоторым кардиналам не удавалось избегать аутодафе, а недавняя история с distinguished Альбертом Винером и вовсе всколыхнула умы: доктор теологии, королевский советник парламента, известнейший демонолог, он – помимо главных сатанинских сил – Вельзевула, Асмодея, Магога, Дагона, Магона, Астарота и Габори-ма – насчитал в дьявольской армии 72 тысячи князей, графов и маркизов, да еще 7 405 928 чертенят, а закончил жизнь на костре.

Фергаас не боялся смерти, но опасался оказаться опозоренным в деятельности, которой предавался искренне, с пол-

ной отдачей душевных и умственных сил и надеждой, что на Страшном суде, при втором пришествии Иисуса, заслуги его в очищении веры Христовой от всяческой скверны будут учтены.

Пользуясь неограниченными полномочиями, данными папой, он мог бы лишить жизни подозреваемую в колдовстве ради спасения собственной репутации, но подобные деяния были противны натуре доминиканца, во всяком деле превыше всего ценившего чистоту намерений, именуемую справедливостью, и строгое соблюдение процессуальных норм в борьбе с ересью.

Главная же причина нынешней неуверенности монаха в принятии верного решения крылась в событиях прошедшей бурной ночи: за несколько часов общения с женщиной он испытал все степени любви, на которые у иных уходят годы жизни – от первого грубого слияния полов для утоления телесной жажды Фергаас в высоком просветлении чувств поднялся до любви эротической, когда предметом обладания становится единственная, желанная, пленяющая ум, сердце и плоть. Под утро же Фергаас бережно обнимал исчерпанную, привядшую телом женщину в нежной охранительности любви милосердной, прощая ее за все и желая взять на себя все невзгоды мира, предназначенные ей...

Первые лучи солнца заглянули в окно, и мирно спящая на руке доминиканца Эстер, подсвеченная ими, казалась чистой и непорочной, как речная лилия.

Окончательно растерявшийся монах отпрянул памятью в свое далекое прошлое и вспомнил изречение, почерпнутое в одном из буддистских монастырей Тибета: «Высшее достоинство мудреца – не быть причиной событий, но спокойно наблюдать, как течет река жизни».

Эта восточная мудрость несколько успокоила его, и вскоре монах, утомленный ночными трудами, заснул глубоким, бесчувственным сном.

Снился ему тихоструйный Кедрон, сверкающий под жарким солнцем Иерусалима, цветущий сад над его обрывом и густой терновник, где Фергаас тайно обладал прекрасной возлюбленной; колючие шипы язвили его тело, доводя наслаждение до высшей точки. Излившись скупым семенем, монах – со стыдом и раскаянием – пробудился.

Раструб дневного света пробивался через окно, поигрывая пылинками и уютно свернувшись на полу солнечным зайчиком.

Эстер в комнате не было, лишь следом недавнего присутствия ее была аккуратно сложенная сменная сутана монаха на том краю постели, где прежде лежала женщина.

«*Varium et mutabile semper femina*»¹⁰ канец и ощутил великое облегчение от того, что не нужно принимать никаких решений.

Спустившись по лестнице, он обнаружил, что солнце в зените, и постоялый двор опустел.

¹⁰ Изменчива и непостоянная всегда женщина (Вергилий, «Энеида»).

Лишь у коновязи Одноглазый подтягивал подпругу заседланного вороного жеребца, который нетерпеливо перетаптывался и фыркал, искря лиловым взглядом.

– Вот загадка для пытливого ума, – громко произнес незнакомец, не глядя на монаха, и легко взметнулся в седло. – Святой отец не принимает пищи, но при этом на ночь берет полголовки сыра и лепешку! – И резко рассмеялся, пуская коня в галоп.

Глава седьмая, в которой Фергаас достигает франконского Бурга, где произносит первую проповедь

Бург защищали зубчатые каменные стены с башнями и массивными воротами, а через наполненный водой широкий ров были переброшены подъемные мосты.

Расположенный на холме в излучине Рейна, он тянулся к небу множеством шпилей и островерхих крыш. Косые лучи утреннего солнца освещали их, создавая причудливую, граненую игру света и тьмы, и город издали походил на друзу горных кристаллов, что нередко попадались доминиканцу в Гималаях и Тибете, вызывая тайное восхищение божественной непредсказуемостью природы.

На душе у Фергааса было смутно и тревожно: греховная ночь, проведенная в «Медведе», внезапное исчезновение Эстер, тем более странное, что женщина явилась к нему за помощью, наконец, темные речи и двусмысленные намеки всякий раз возникающего неожиданно, словно бы из воздуха, Одноглазого – все это саднило душу монаха предощущением грядущих невзгод и испытаний, над которыми витала недобрая тень дьявола.

На друзу кристаллов походил лишь центр города – крепость «Вышгород» – с ее богатыми резиденциями курфюр-

ста, епископа и зажиточных бюргеров, а также строениями министералов, управляющих беспокойной деловой жизнью Бурга и всех прилегающих земель. (Три года назад бурграф Нюрнберга Фридрих VI выкупил у римского императора Сигизмунда Бургское курфюршество и стал могущественным курфюрстом Фридрихом I).

В нижнем городе, куда вошел доминиканец, на узких улочках (по главным едва могли разъехаться две телеги, ширина прочих не превышала длину копья) плотно теснились однообразные дома в два-три этажа, почти соприкасаясь крышами, с узкими фасадами и лавками либо мастерскими внизу, окна которых служили прилавком или витриной.

Тут выделялись лишь высокие готические здания кафедрального собора и ратуши, их строгие, выверенные силуэты и каменное кружево декора поражали своим совершенством, но на площадях перед ними, как и повсюду в нижнем городе, среди пищевых отходов и нечистот, бродили гуси, козы и овцы, а самодовольные свиньи блаженно похрюкивали в лужах.

К зловонию средневековых европейских городов Фергаас так и не смог до конца привыкнуть и всякий раз, оказавшись посреди уличных нечистот, поспешно закрывал нос рукавом сутаны и старался возродить в памяти нежный, розовый запах индийского лотоса.

В торжественном сумраке кафедрального собора Фергаас встретился с местным епископом отцом Теофилом – сухонь-

ким и согбенным, с розовыми склеротическими щечками и тем просветленно-детским выражением незабудковых глаз, что бывает у стариков на закате жизни; он постоянно смахивал слезу и имел плачущее выражение лица.

Ознакомившись с высокими полномочиями гостя, представленными папской буллой, и услышав о его желании произнести перед паствой проповедь «Об искушении и природе дьявола», – Теофил согнулся еще ниже и почтительно произнес дребезжащим тенорком:

– *Acceptissima semper munera sant, auctor gual pretiosa fasit*¹¹.

– *Dictum factum*¹², – с готовностью отозвался доминиканец.

События прошедшей ночи все еще тревожили его смутным предположением о дьявольской миссии соблазнительницы, и проповедь сейчас представлялась уместной и даже необходимой, ибо всякий раз, призывая к очищению других, он словно бы очищался и сам.

Несколько часов спустя, отдохнув в тени старых лип у святого источника, обложенного диким камнем, и укрепив силы сладким церковным вином, доминиканец уже вещал с кафедры собора гнусавым назидательным голосом, приводя паству в покорный трепет:

– Запомните хорошенько! Само название «дьявол» про-

¹¹ Милее всего те подарки, ценность которых в самом дарителе (лат.).

¹² Сказано – сделано (лат.).

исходит от двух слов: *din*, то есть «два» и *bolus*, что означает «укус», «смерть», поскольку он несет двойную смерть, а именно: телу и душе. Этот двойной дьявол и действует двойным образом: или он вступает с жертвой в союз, закрепляя его договором и сообщая союзнику колдовскую силу, или овладевает жертвой без ее согласия, чтобы через нее осуществлять свои богохульственные и пагубные цели.

В первом случае среди нас появляются активные ведьмы, которые творят зло сознательно, во втором – пассивные, которых мы называем одержимыми бесом. Первых надлежит жестоко наказывать, вторым – помочь путем изгнания бесов.

Я утверждаю: как добро присуще душе, так и зло может проникать в нее, овладевать ею, говорить устами одержимых, вселиться в тело, властвовать над ним. Если до смерти одержимого не удастся изгнать из него дьявола во имя Бога – душа несчастного погибает для спасения.

Почему женщины более склонны к колдовству, чем мужчины? Я отвечаю так: это объясняется не только слабостью пола, но и их животной похотливостью, которая заставляет отдаваться дьяволу, чтобы испытать наслаждения чувственности, а также женской страстью к новизне и любопытству. (Фергаас вспомнил вчерашнюю ночь и мороз просквозил между лопатками).

Нами отмечено, что от подобной связи могут появляться дети: так, некая Агнесса из Вормса разродилась чертенком, который сразу по выходе из чрева стал прыгать и скакать.

Это привело нас к мысли, что дьявол имеет плоть. Для вступления в телесную связь он принимает двойственный образ: инкуба-мужчины для совращения женщины и суккуба-женщины для разврата с мужчиной.

(При этих словах в памяти доминиканца всплыл образ Эстер, в чувственной скачке несущейся над ним, словно ликующая ведьма, он испуганно перекрестился и поспешно сменил тему).

– Какова же природа дьявола? – возвысил он голос, обводя взглядом присутствующих. – Напрягите ваше внимание! Выдающиеся наши отцы церкви, ученые-теологи дают ответ на этот вопрос. Григорий Великий, занимавший папский престол с пятьсот девяностого по шестьсот четвертый годы, в своих «Моралиях» утверждает, что Бог создал дьявола прежде других существ – «первым Он создал ангела, которого сделал выше других ангелов», и этот ангелический дух мог бы оставаться на вершине, если бы подчинился Богу и не избрал зло.

Преподобный Фома Аквинский дал логическое обоснование былого высокого положения дьявола в ангельских чинах и его последующего падения: чем выше место существа в иерархии существ, тем более оно подвержено греху гордыни. – Фергаас, мучимый смутными, но неприятными предчувствиями, перевел дух и продолжил: – Каковы же главные атрибуты дьявола? Я отвечаю так: это зло и ложь для причинения страдания.

– Если это так, святой отец, – донесся откуда-то с задних рядов насмешливый баритон, – мы неминуемо приходим к неразрешимой дилемме «благого дьявола – бессильного Бога»; либо дьявол – слуга Бога, творящий зло по божественному заданию, либо Бог бессилен остановить всемогущего дьявола!

Мгновенный, жаркий пот прошиб доминиканца: само по себе прерывание проповеди являлось неслыханной дерзостью, к тому же в ироническом голосе этом угадывались неясно-знакомые, опасные нотки. Находясь на свету канделябров, Фергаас так и не смог разглядеть наглеца, таящегося где-то в сумраке помещения, но, будучи опытным проповедником, сумел дать ему отпор.

– Таких незрелых мыслей у нас не возникнет, если мы последуем за Блаженным Августином, который понимал зло как незаконное стремление дьявола перевернуть данное навеки Божественное мироустройство. Дьявол нарушил порядок Бытия уже тем, что покинул свой чин, свое место в нем, нарушил установленную иерархию. Он – «глава ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище». Дьявол – предатель своего места в общем устройстве Бытия. Он опрокинул бы все человеческие вещи, если бы их не удерживала Божья воля.

Закончив проповедь, доминиканец дождался, когда разойдется паства, и в присутствии отца Теофила прибил к дубовым резным дверям собора извлеченный из сумы плос-

кий кленовый ящичек с прорезью для писем, на котором было начертано: «Под страхом отлучения от церкви или уголовного наказания обязываем жителей города в течение 12 дней донести назначенному папой Мартином V странствующему комиссару ведъм доктору Фергаасу на всех, кто подозревается в колдовстве. Доносчик получит денежное вознаграждение, а имя его будет сохранено в тайне».

Внизу под этим текстом стояла печать доминиканцев, «псов господних» в истреблении ереси: изображение собаки с зажженным факелом во рту.

Глава восьмая, в которой Фергаас оказывается за пиршественным столом у епископа, а потом его искушает дьявол

В трапезной у епископа в честь высокого гостя был накрыт богатый стол, где жирные каплуны соседствовали с молочным жареным поросенком, рябчики с деликатесным копченым угрем, а вина в дорогих хрустальных кувшинах отливали янтарем и рубином.

Тихие молодые служки, опрятные и розовощекие, с едва пробивающимися усиками, закончив сервировку, наполнили бокалы отца Теофила и Фергааса и бесшумно удалились.

– *Bonum vinium lactificat cor hominis*¹³, – проговорил епископ, предвеляя застолье, – Ваша нынешняя проповедь, брат, была лучшим, что слышали когда-либо стены нашего собора. Ваша ученость идет об руку с талантом подлинного риторика.

– *Et gaudium et solatium in litteris*¹⁴ ся доминиканец и добавил, желая пригасить явную лесть хозяина: – *Non quaerit aeger medicum elo-quebtem, sed sanantem*¹⁵.

¹³ Доброе вино веселит сердце человеческое (лат.)

¹⁴ И радость, и утешение в науке (лат.).

¹⁵ Не красноречивого врача ищет больной, а способного вылечить (лат.).

– Истинно так, – смиренно отозвался отец Теофил.

Сладкое, густое кипрское вино своими терпкими ароматами напомнило Фергаасу о годах странствий по благодатным странам Средиземноморья и отозвалось ощущением некоей утраты; впрочем, чувство это было кратким и поверхностным: в бесконечной жизни скитальца, которую он вел, потери, в конце концов, перекрывались обретениями, ибо с позиций вечности все в этом мире уравновешено.

Хотя доминиканец был равнодушен к пище и мог вообще обходиться без нее, черпая энергию жизни из веры, солнца и воздуха, – из уважения к хозяину отведал по кусочку каждого из блюд; епископ же – при явной телесной ветхости – обладал богатырским аппетитом, и жир от каплуна, терзаемого его проворными подагрическими пальчиками, стекал по его меченым старческой гречкой рукам до самых локтей.

«А он из простолюдинов, – заключил доминиканец. – И у него было голодное детство».

– Я вот все думаю об этой Агнесе из Вормса, что родила чертенка, – проговорил епископ, когда покончили с кипрским и перешли к французскому кагору из Сент-Этьенна. – Я ведь тоже принимал участие в дискуссии, что есть дьявол: дух или плоть? И мои аргументы были таковы: коль скоро Григорий Великий говорит о нем как об «ангелическом духе», а от ангелов, как мы знаем, детей не бывает...

Епископ запнулся, сообразив, что сболтнул лишнее: большинство теологов, участвовавших в том давнем научном

споре, склонились к тому, что дьявол имеет плоть, и как только дискуссия завершилась, результат приобрел силу догмата и уже не подлежал пересмотру. Нынешнее сомнение отца Теофила странствующий комиссар ведьм вполне мог расценить как ересь, а потому, благоразумно остановившись на половине фразы, епископ поспешно потянулся за кувшином с вином.

Фергаас же, прекрасно осведомленный о нравах среди духовенства, заподозрил во всем этом ловкую провокацию, отчего счел необходимым пространно и убедительно изложить свою позицию.

– И возникновение плоти из духа, и воскресение живого из мертвого – в руках Всевышнего, – проговорил он. – Господь наш Иисус Христос, говорится в Символе веры, «нас ради человеков и нашего ради спасения сошел с небес и воплотился от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечился». Евангелист Иоанн подтверждает это: «Слово стало плотью»... При этом Господу Иисусу Христу приписываются существенные свойства Божия: вечность, всеведение, всемогущество, вездесущие и неизменяемость. Он же есть творец и создатель всего, промыслитель мира, прощающий грехи, воскрешение и суд всего мира. То же и воскрешение Его – по воле Отца Его: как мы знаем, после распятия явившись Марии Магдалине, он в течение сорока дней посещал апостолов и продолжал учить их тайнам Царствия Божьего. И Моисей, и Кришна, и Будда, и Магомет были великими По-

священными, но все похоронены как простые смертные, не пройдя таинства воскресения...

– На все промысел Божий, – согласился епископ, шумно отрыгнув.

В резиденции отца Теофила доминиканцу была отведена комната на втором этаже с удобной, широкой кроватью, застеленной тончайшим постельным бельем, в открытом окне призрачно белели цветущие яблони обширного епископского сада, источая нежный, ускользящий аромат.

Тем не менее, Фергаас, перегрузившийся тяжеловатыми для головы винами, спал беспокойно: его бросало в жар, дыхание то останавливалось, то прорывалось чудовищным, похожим на рычание дикого зверя, храпом; какая-то враждебная, жутковатая сила вела с ним противоборство во сне, пытаясь удушить, а потом приняла вдруг облик Одноглазого, который сидел на краю кровати, саркастически щурясь.

– Да не было никакого воскресения Христова, – проговорил он. – Все это выдумки слабых и невежественных людей.

– Изыди, дьявол, – в испуге то ли сказал, то ли подумал доминиканец и хотел было перекреститься, но тяжелая, будто неживая рука не послушалась.

– Изыду, когда сочту нужным, – издевательски отозвался неожиданный визитер.

– Наутро Мария Магдалина пришла к могиле Его, и камень был отвален, и Христос явился ей, – возразил доминиканец.

– Явился, явился, – небрежно повторил Одноглазый. – Только с чего вы взяли, что было воскресение мертвого? По-настоящему Он и не умирал!

– Ты лжешь, дьявол, – как-то жалобно и бессильно оказал сопротивление монах. – Не богохульствуй!

– Ты же неглупый человек, Агасфер, – перешел Одноглазый на дружественный тон. – Неужто веришь в эти сказки? Что вообще вы знаете о Нем? Лишь то, что написано в евангелиях: в двадцать седьмом Иоанн окрестил Его, потом все эти чудеса и проповеди, превращение воды в вино, умножение хлебов, исцеление слепого, воскрешение Лазаря, а в пятницу, седьмого апреля тридцатого года Его уже распяли! Всего три года жизни! А что было до этого, чем занимался, где обучился чудесам? Ведь ты же побывал в Египте, Индии, Тибете, – неужели нигде не нашел следов Его пребывания?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.